

Аркадий Казанский

*Свидетельство Данте. Демистификация.
Ваше Величество Поэт. Книга 3. Рай*

Серия «Свидетели времени»

Аркадий Казанский
Свидетельство Данте.
Демистификация. Ваше
Величество Поэт. Книга 3. Рай.
Серия «Свидетели времени»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22815584
ISBN 9785448369445

Аннотация

Книга-революционер, книга-подарок, книга-открытие. Истинная история России и мира восстановлена благодаря тщательному прочтению и расшифровке великого творения Данте Алигьери. Эта книга 2016 года является сокращенной и доработанной версией издания «Данте. Демистификация. Долгая дорога домой». «Божественная комедия» – миф или реальность? Кто такие Данте и Беатриче? Почему книга итальянского поэта содержит в себе столько ключей к пониманию истории? Читайте третью книгу Свидетельства Данте: Рай.

Содержание

Предисловие	5
La Commedia	11
Рай – Песня I	11
Рай – Песня II	33
Рай – Песня III	55
Рай – Песня IV	78
Рай – Песня V	97
Рай – Песня VI	118
Конец ознакомительного фрагмента.	127

**Свидетельство Данте.
Демистификация.
Ваше Величество
Поэт. Книга 3. Рай
Серия «Свидетели
времени»**

Аркадий Казанский

© Аркадий Казанский, 2017

© Аркадий Казанский, иллюстрации, 2017

Редактор Ирина Казанская

ISBN 978-5-4483-6944-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Предваряю третью книгу предупреждением, родившимся после предварительного анализа Комедии, для пояснения отношения к датам, встречающимся в письменных источниках. Прошу прощения у Великого Поэта, за слабую и недостойную попытку написать это предупреждение в форме его гениальной песни – стострочной кантики.

Не верьте датам на страницах книг

*Кто мы, откуда и куда идём?
Ответы на вопрос, трубящий в уши,
Хочу найти, пройдя своим путём. 3*

*Листая книги о веках минувших,
Истории воссоздавая нить,
Ловлю себя на том, что я, уснувший, 6*

*Не только не могу восстановить,
Но даже и понять: – где это было,
Когда и кто постановил так быть? 9*

*Раскрыв страницы книг, в которых сила,
Без компаса, хронометра, руля,
Вверяю всем ветрам свои ветрила. 12*

*Как только с глаз скрывается земля,
В безбрежном море книг хожу, блуждаю;
Маяк не светит в водяных полях, 15*

*В которых нету ни конца, ни краю.
На волны строк растерянно гляжусь
И мыслями на Солнце угораю. 18*

*Но вдруг глазами остров нахожусь:
Там хижина на кромке побережья
И я скорей на берег выхожусь. 21*

*А рыбарь местный, в море бросив мрежи:
«Зачем лопату не снимаешь с плеч?»
С вопросом обращается ко мне же. 24*

*Услышав человеческую речь:
«Да это же весло, а не лопата»
Ответил я, в беседу рад вовлечь, 27*

*В бескрайнем море встреченного брата:
«Скажи, какой на свете год и век,
Где я сейчас, какая нынче дата?» 30*

*Невинно отвечает человек:
«Ты там, где я, а сами мы не знаем,
Что значат дата, год и час и век. 33*

*Прости меня, совсем не понимаем,
Что за нужда тебе об этом знать?
Живущим, остров кажется нам Раем. 36*

*Мы век живём, чтоб детям век свой дать,
А мёртвым нет до этого печали,
Пускай на них почитет благодать». 39*

*Потом мы с ним немного помолчали...
Сеть с двух концов взяв, я и проводник
Пошли туда, где мой челнок причалил... 42*

*Не верьте датам на страницах книг —
Набору цифр, спрессованных в года там.
Кто ставил их, тот цель свою достиг, 45*

*Сокрыв её. Прошу: – не верьте датам!
Они нас всех отправят прямо в Ад
Ещё раз повторю: – не верьте датам! 48*

*Четыре цифры – водопадом дат
Века – водоворот нас поглощали,
В пучину лет бросали, как котят, 51*

*В ушат с водой мужик, чтоб не пищали.
А времени невидимую нить
Лахезис, Атропос и Клото пряли. 54*

Отдать, продать, предать, забыть, простить:

*Так дата властелину угрождает;
И средь людей, рождённых, чтоб любить, 57*

*Сон разума чудовищ порождает —
Гигантов, великанов и Богов,
Всех взгляд Горгоны в камень обращает. 60*

*Но есть звезда, там, в небе, высоко,
Где вечно всё, что под Луню тленно.
Вокруг Земли вращается легко 63*

*Хрустальный свод – хронометр вселенной,
Как мельница, что мелет времена,
Бесстрастно видя смену поколений. 66*

*О! стрелки мои, Солнце и Луна;
О! маятник Меркурия с Венерой;
Вы, Марс, Сатурн, Юпитер, как стена 69*

*Оплотом и мерилом стали верным.
На небо вас поставил Бог – Отец,
Чтоб люди не блуждали в тьме неверной. 72*

*О! Зодиак, где Скорпион, Стрелец,
Рак, Лев, Телец, Овен, Весы и Рыба;
О! Дева, Водолей и брат – Близнецы, 75*

*Связал вас полужверь и полурыба —
Эклиптику качающий не бес,*

А Бог – Любовь, кого приняла дыба – 78

*Сам Козерог, властитель всех небес,
Что зиму в лето обращает строго,
Медведиц Севера и Южный Крест 81*

*Вокруг остей вращает словом Бога —
Спасителя, что из своих палат
На каждого из нас взирает строго. 84*

*Семь стрелок, Зодиака циферблат,
Чеканят время в золотые точки,
В неповторимый времени расклад, 87*

*Нам неподвластный, совершенно точный,
Который не зальют чернила книг,
Профессора и цензор неурочный. 90*

*Там каждой дате неизменный миг
Измерен, взвешен и впечатан чудно.
Все, кто часов небесных смысл постиг, 93*

*Опору обретут не безрассудно,
Сомненья и тревоги разрешив,
На верный курс своё направят судно. 96*

*На нужный берег вовремя вступив
И, прояснив основы мирозданья,
Уйдут, во тьме маяк свой засветив;*

Как светит сквозь века нам гений Данте! 100

А. А. Казанский

Предупреждён – следовательно, вооружён. В добрый путь
во всеоружии.

La Commedia di Dante Alighieri

Рай – Песня I Вознесение сквозь сферу огня. Путешествие Данте и Беатриче по Солнечной системе.

Лучи того, кто движет мирозданье
Всё пронизают славой и струят
Где – большее, где – меньшее сиянье. 3

Я в тверди был, где свет их воспроят
Всего полней; но вел бы речь напрасно
О виденном вернувшийся назад; 6

Над восемью вращающимися вокруг неподвижной Земли хрустальными небесами Геоцентрической системы Птолемея, согласно церковного учения, помещается девятое – недвижный Эмпирей (греч. – пламенный) – обитель Божества или Перводвигатель.

Представим себе Геоцентрическую систему Птолемея, состоящую из вложенных друг в друга, как матрёшки, хрустальных сфер в руках Создателя, который, словно ребёнок игрушку, неумоимо вращает эти сферы своими руками. А наша любимая хрупкая планета Земля неподвижно, подобно детской игрушке «ванька-встанька», неизвестно как удерживается от вращения, располагаясь в центре Мироздания. Хорошо ещё, что Создатель висит в пустоте пространства, а не стоит на твёрдом полу, а то, не дай Бог, уронит нашу хрупкую систему из уставших рук и разобьёт её в мелкие осколки. Вот и будет «конец света».

Считается, что свет Божества доходит до нас через отверстия (скважности) хрустальных сфер, обращающихся вокруг Земли, а большее или меньшее сиянье этого света, согласно учения Плутарха, происходит от разной скважности (проще говоря дырявости) хрустальных сфер, несущих звёзды и планеты. Именно так объясняют, с одной стороны, видимое обращение небосвода вокруг неподвижной Земли, с другой стороны, происхождение света звёзд, Солнца, Луны, планет и вообще всех светящихся объектов вселенной, включая кометы и метеоры. Получается, что Солнце светит не своим светом, а пропускает через свою «скважину» свет сферы огня – Эмпирея.

Сегодня даже невозможно себе этого представить. А ге-

ниальный Данте, словно посмеиваясь надо нами, позволяет прочесть эти строки совершенно по-другому. Зная, что Земля вращается вокруг Солнца, струящего лучи и пронизающего всё своей славой, он именно его и помещает в центр Солнечной системы.

Твердь, где свет лучей и славы Солнца восприят всего полнее – наша любимая планета Земля, которая, воспринимая свет Солнца (Создателя, Перводвигателя, Эмпирея), воссияет ещё и светом Разума.

Затем что, близясь к чаемому страстно
Наш ум к такой нисходит глубине,
Что память вслед за ним идти не властна. 9

Однако то, что о святой стране
Я мог скопить, в душе оберегая,
Предметом песни воспослужит мне. 12

Разум человеческий способен достичь невероятной высоты и глубины познания, в то время как память человеческая не властна следовать путём своих ярчайших умов. Поэтому учёный, взлетевший к неизведанным высотам мысли, либо нисшедший к невероятной глубине суждений, не может рассчитывать на понимание людьми своего века.

Эта истина справедлива и на сегодняшний день, а что там говорить о XVIII веке, когда истина о строении Вселенной, доступная небольшому кругу учёных, смертельно опасна для

Церкви и правящих кругов (помазанников Божьих), так же, как смертельно опасен сам учёный – носитель истины. Только-что сожжен на костре друг и учитель Данте – Джордано Бруно и это далеко не единственный костёр XVIII века. Перечень великих учёных, сожженных Святой инквизицией в XVIII – XIX веках потрясает, хотя Церковь старается стыдливо отодвинуть эти костры вглубь веков.

Поэт, оберегая в душе память о Святой стране своего детства – России, делает именно её предметом своих песен.

О Аполлон, последний труд свершая
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя. 15

Он возносит горячую молитву Олимпийскому богу, отцу и покровителю Муз – Аполлону (Фебу, Тимбрею), сыну Верховного Олимпийского бога Зевса-Громовержца, прося у него силы, чтобы достойно свершить свой последний тяжкий труд. Аполлон увенчивает великих поэтов и музыкантов лавровым венцом, с которым мы привыкли видеть изображение самого Данте.

В лавр превращена нимфа Дафна, дочь бога реки, Пенея, убежавшая от преследовавшего её влюбленного Аполлона (Метам. I. 452—567).

Мне из зубцов Парнаса нужен был
Пока один; но есть обоим дело,

Раз я к концу ристанья приступил. 18

Войди мне в грудь и вей, чтоб песнь звенела
Как в день, когда ты Марсия извлек
И выбросил из оболочки тела. 21

Поэт приступает к концу ристанья (сражения), сражаясь словом.

До сих пор он нуждается в покровительстве только одной из двух вершин Парнаса – Иппокрены, на которой обитают музы. Теперь ему требуется содействие второй вершины – Кирры – обители самого Аполлона. Он хочет уподобиться Аполлону, богу Дельф, как победителю в музыкальном состязании с Марсием.

Марсий – сатир, состязавшийся в музыкальном искусстве с Аполлоном, который победив Марсия, сдирает с него живого кожу (Метам., VI, 382—400).

О вышний дух, когда б ты мне помог
Так, чтобы тень державы осиянной
Явить, в мозгу я впечатленной мог, 24

Данте хочет, призывая на помощь Аполлона, явить тень державы осиянной – ввести в бессмертие истинную историю России своими иносказаниями и датами, рассыпанными в Комедии, пусть потомки смогут восстановить по фрагмен-

там костей весь скелет.

Я стал бы в сень листвы, тебе желанной
Чтоб на меня возложен был венец,
Моим предметом и тобой мне данный. 27

Для этого он готов стать в сень листвы, желанной Аполлону, чтобы получить из его рук венец, заслуженный бессмертной поэзией. Чтобы совершить великий подвиг написания Комедии, он жаждет превзойти искусством самого Аполлона, рискуя оказаться в положении Марсия.

Ее настолько редко рвут, отец,
Чтоб кесаря почтить или поэта,
К стыду и по вине людских сердец, 30

Что богу Дельф должно быть в радость это
Когда к пенейским листьям взор воздет
И чье-то сердце жаждой их согрето. 33

За искрой пламя ширится вослед
За мной, быть может, лучшими устами
Взнесут мольбу, чтоб с Кирры был ответ. 36

Настолько редко лаврами венчают правителя или поэта, что Данте испытывает по этому поводу глубокий стыд. Но Аполлон в этом не виновен. Мало правителей, мало поэтов, стремящихся к вечной славе, а ещё меньше достойных

называться великими, заслужившими честь венчания лавровым венцом. Поэт называет Аполлона отцом и говорит: – тому должно быть приятно, когда кто-либо поднимет взор к пеньским листьям – листьям лавра, желая заслужить столь высокую награду. Он выражает желание: – пусть из искры возгорится пламя, пусть придут лучшие его и обратят свои мольбы в сторону Кирры, обители Аполлона.

Что это, как не горячий призыв и завещание потомкам: – «Поймите мою Комедию и найдите ответы на загадки, рассыпанные в ней, чтобы услышать с Кирры голос самого Аполлона!»

Встает для смертных разными вратами
Лампада мира; но из тех, где слит
Бег четырех кругов с тремя крестами, 39

По лучшему пути она спешит
И с лучшей звездой, и чище сила
Мирскому воску оттиск свой дарит. 42

В зависимости от времени года, Солнце (лампада мира) восходит в разных точках горизонта (разными вратами). В весеннее равноденствие, восходя в той точке, где пересечение четырех кругов (горизонта, экватора, эклиптики и зодиака) образует три креста, оно движется в небе по лучшему пути; день становится длиннее ночи, наступает тёплое, наилучшее время года, что позволяет ему благотворно влиять

на земную жизнь (мирской воск), пробуждая природу Северного полушария к жизни и цветению.

Почти из этих врат там утро всплыло
Здесь вечер пал, и в полушарьи том
Все стало белым, здесь все черным было, 45

Когда, налево обратясь лицом
Вонзилась в солнце Беатриче взором;
Так не почиет орлий взгляд на нем. 48

Весеннее равноденствие миновало, утро всплывает в Северном полушарии не точно возле пересечения четырёх кругов, но недалеко от него, в то время как в Южном полушарии уже падает вечер. Делая поворот, Данте с Беатриче находятся уже не на вершине горы Чистилища, где падает вечер и становится всё чёрным, а в Санкт-Петербурге, где всплывает утро и всё становится белым.

Вообразите восход Солнца в Северном полушарии, где мы ждём его, став лицом к Югу. Солнце восходит слева, так что посмотреть на него можно, повернув голову налево. Беатриче, обратясь лицом налево, вонзается в восходящее Солнце взором; Данте следует ее примеру, но, не выдержав блеска Солнца, устремляет глаза к её глазам и начинает, незаметно для себя, возноситься вместе с нею сквозь небесные Сферы.

Даже орлы не могут так прямо смотреть на Солнце.

Как луч выходит из луча, в котором
Берет начало, чтоб отпрянуть ввысь, —
Скиталец в думах о возврате скором, – 51

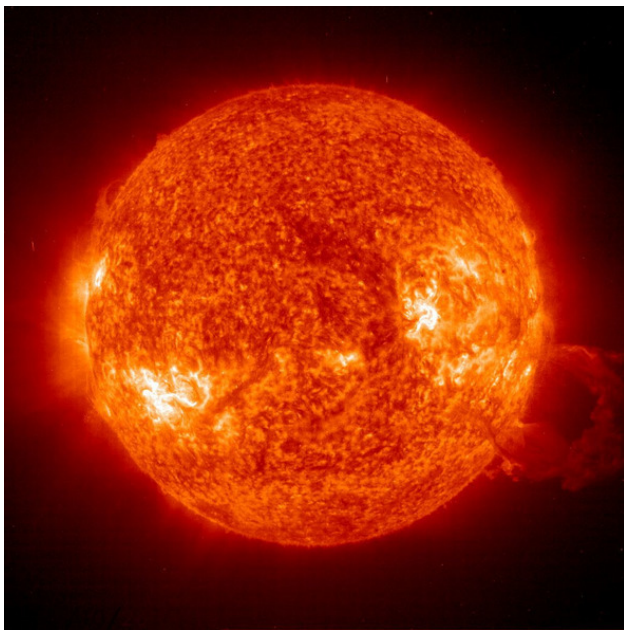
Так из ее движений родились
Глазами в дух войдя, мои; к светилу
Не по-людски глаза мои взнеслись. 54

Там можно многое, что не под силу
Нам здесь, затем что создан тот приют
Для человека по его мерилу. 57

Глаза Данте и Беатриче встречаются и, как световой луч дает начало отраженному лучу, напоминающему скитальца, прошедшего полпути и стремящегося вернуться домой, так и он растворяется в её глазах. Любовь, которую он оставляет, поддавшись давлению Имеющего Власть, снова разгорается в нём.

Ободрённый Беатриче, Данте возносится с нечеловеческой силой глазами к Солнцу. Он начинает описание оптических явлений – отражения и преломления луча света. Беатриче вооружает его телескопом, с помощью которого его глаза возносятся к светилу не по-людски, а посредством инструмента, через который можно увидеть многое, что не под силу невооруженному глазу. Приют, созданный для человека по его мерилу – астрономическая обсерватория, оснащенная телескопами.

Я выдержал недолго, но и тут

Р.1.2 ВИД ПОВЕРХНОСТИ СОЛНЦА В ТЕЛЕ- СКОП, СНАБЖЕННЫЙ СВЕТОФИЛЬТРАМИ. Поверхность Солнца неоднородная, с яркими пятнами и тёмными местами. У Данте оно «Искрится, как взятый из огня железный прут» – очень точное сравнение. Наблюдая за движением пятен, учёные устанавливают, что Солнце вращается во-

круг своей оси со скоростью 1 оборот за 27,5 дней. Хорошо видны мощные протуберанцы – выбросы Солнечного вещества, которые загибаются обратно к его поверхности под воздействием притяжения звезды огромной массы.

Успел заметить, что оно искрилось,
Как взятый из огня железный прут. 60

И вдруг сиянье дня усугубилось
Как если бы второе солнце нам
Велением Могущего явилось. 63

Взглянув на Солнце в телескоп, он выдерживает недолго, хотя телескоп и снабжен светофильтрами и отводит глаза, так же, как и тогда, когда наблюдает его восходящим над Заводским водохранилищем. Но и при недолгом рассмотрении Солнца в телескоп, он успевает заметить: – его поверхность имеет структуру – искрится, как взятый из огня железный прут [Рис. Р.1.2].

Проще говоря, поэт замечает: – поверхность светила не однородно светящаяся, как можно подумать, но имеет неровности света (пятна) и солнечную корону с протуберанцами. Кроме того, посмотрев в телескоп, он видит Солнце в увеличенном виде, как бы приблизившись к нему – в телескоп Солнце выглядит гораздо большим и ярким, несмотря на смягчающие свет фильтры. Оторвав глаз от окуляра те-

телескопа, поэт расширившимся зрачком схватывает дневной свет, как бы увеличившийся вдвое. Этот эффект можно наблюдать, выходя из темноты на яркий свет.

А Беатриче к вечным высотам
Стремилась взор; мой взгляд низведши вскоре,
Я устремил глаза к ее глазам. 66

Я стал таким, в ее теряясь взоре
Как Главк, когда вкушённая трава
Его к бессмертным приобщила в море. 69

Беатриче, сменив его у телескопа, продолжает рассматривать Солнце, а он опускает свои глаза и теряет голову, встретившись с её глазами.

Главк – рыбак, отведавший чудесной травы и превратившийся в морского бога (Метам., XIII, 898—968).

Пречеловеченье вместить в слова
Нельзя; пример мой близок по приметам,
Но самый опыт – милость божества. 72

Был ли я только тем, что в теле этом
Всего новей, Любовь, господь высот,
То знаешь ты, чьим я вознесся светом. 75

Пречеловеченье (Trasumanar), так христианская религия

называет Преображение (Богоявление) Христово – превращение в нечто большее, чем человек.

Когда создаётся Человек, душа создается позже всего, поэтому в теле она новее всего. Поэт описывает свои ощущения от взгляда то ли в телескоп, то ли в глаза любимой, как превращение в нечто более новое, возносясь в небеса светом любви, которая новее души.

Когда круги, которых вечный ход
Стремишь, желанный, ты, мой дух призвали
Гармонией, чей строй тобой живет, 78

Я видел – солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озер вовек не расстилали. 81

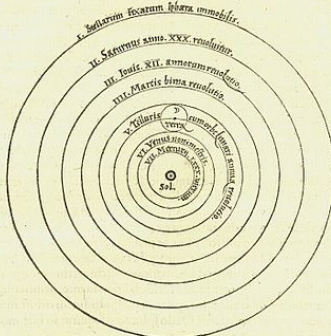
Звук был так нов, и свет был так широк
Что я горел постигнуть их начало;
Столь острый пыл вовек меня не жёг. 84

Круги (небесные сферы), вращаемые девятым, кристалльным небом, или Перводвигателем (сферой Огня), который, в свою очередь, вращается с непостижимой быстротой, потому что, как Данте поясняет в «Пире» (II, 3 [4]), каждая его частица жаждет соединиться с каждой из частиц объемлющего его неподвижного Эмпирея. Дух его привлека-

ют гармонические созвучия, производимые, как учил Платон, вращением небес.

Беатриче начинает читать Данте курс лекций по устройству мира и Солнечной системы, представляя всё в виде концентрических кругов. Начинает она не с Земли, а с Солнца, описывая тем самым, Гелиоцентрическую систему мироздания Николая Коперника (1475 – 1543 годы). В XVIII веке Гелиоцентрическая система [Рис. Р.1.3] только начинает завоёвывать умы, поэтому поэт говорит о том, что звук этот нов для него. Вместе с тем растёт понятие об истинных размерах Солнца и планет, и он говорит о такой широкой дали, сравнить с которой на Земле просто нечего. И пыл познания, и пыл любви страстно несёт поэта по течению Комедии.

net, in quo terram cum orbe lunari tanquam epicyclo contineri diximus. Quinto loco Venus nono mense reducitur; Sextum deniq; locum Mercurius tenet, octuaginta dierum spacio circū currens, in medio uero omnium residet Sol. Quis enim in hoc

pulcherimo templo lampadem hanc in alio uel meliori loco poneret, quàm unde totum simul possit illuminare; Siquidem non inepte quidam lucernam mundi, alij mentem, alij rectorem uocant. Trimegistus uisibilem Deum, Sophoclis Electra intuentē omnia. Ita profecto tanquam in folio re gali Sol residens circum agentem gubernat Astrorum familiam. Tellus quoq; minime fraudatur lunari ministerio, sed ut Aristoteles de animalibus ait, maximā Luna cū terra cognationē habet. Concipit interea à Sole terra, & impregnatur annuo partu. Inuenimus igitur sub hac

Р.1.3 Гелиоцентрическая система Мироздания

Считающееся первым изображением Гелиоцентрической системы Николая Коперника (1475 – 1543 годы) из книги «Обращение Небесных Сфер».

Та, что во мне, как я в себе, читала, —
 Чтоб мне в моем смятении – помочь,
 Скорей, чем я спросил, уста разъяла 87

И начала: «Ты должен превозмочь

Неверный домысл; то, что непонятно,
Ты понял бы, его отбросив прочь. 90

Не на земле ты, как считал превратно
Но молния, покинув свой предел,
Не мчится так, как ты к нему обратно». 93

Беатриче, понимающая Данте, как себя, объясняет ему: — они уже не на Земле, а возносятся к небесам: — «Молния, покинув свой предел (сферу огня), мчится вниз с меньшей быстротой, чем мчимся мы обратно к нашему пределу, к небу». Не всё, что нам кажется верным на первый взгляд, верно на самом деле. Приближение небесных тел с помощью телескопа, можно сравнить с приближением к небесным телам.

Если смотреть на Солнце в прибор, увеличивающий в 2 раза, это можно сравнить с преодолением половины расстояния от себя до Солнца в одно мгновение. Солнечный луч преодолевает такое расстояние за несколько минут. А если смотреть в телескоп с 1000-кратным увеличением, это можно сравнить только с передвижением силой мысли, скорость которой неизмеримо больше скорости света (молнии).

И в самом деле, не представлять же Данте и Беатриче первыми космонавтами, отправившимися в далёкий Космос. Всё их путешествие в небеса происходит только в мыслях и воображении, вооруженных созданным гением Человека телескопом.

Покров сомненья с дум моих слетел
Снят сквозь улыбку речью небольшою,
Но тут другой на них отяготел, 96

И я сказал: «Я вновь пришел к покою
От удивленья; но дивлюсь опять,
Как я всхожу столь легкою средою». 99

Данте, отбросив сомнения, снятые улыбкой Беатриче, задаёт ей вопрос: – «Как я иду по космосу (лёгкой, разреженной среде), ведь там нет опоры для ног?».

Здесь следует вернуться в самое начало Комедии, когда он восходит на звёздное небо в виде созвездия Северная Корона. Но, одно дело – водить пальцем по Карте Звёздного Неба и совсем другое – рассматривать вооруженным телескопом глазом планеты и звёзды.

Она, умея вздохом сострадать
Ко мне склонила взор неизреченный,
Как на дитя в бреду – взирает мать, 102

И начала: «Всё в мире неизменный
Связует строй; своим обличьем он
Подобье бога придает вселенной. 105

Беатриче читает лекцию, глядя на него, как мать на младенца в бреду, терпеливо поясняя ему устройство мирозда-

ния, как познавший истину учёный, обращается к ученикам, для которых открытие истины ещё впереди.

Всё в мире неизменный связует строй – человек XVIII века, приобретая с помощью открытий науки познания вечного мироздания, распространяет полученные результаты и на самого себя, как подобье Бога.

Для высших тварей в нем отображён
След вечной Силы, крайней той вершины,
Которой служит сказанный закон. 108

И этот строй объемлет, всеединый
Все естества, что по своим судьбам —
Вблизи или вдали от их причины. 111

Высшие твари – люди, которые могут отследить след вечной Силы. Этот закон объемлет все естества, со всеми их деяниями, независимо от того, вблизи или вдали от нас они находятся. Эта посылка вполне современна – законы мироздания объемлют всю Вселенную одинаково.

Они плывут к различным берегам
Великим морем бытия, стремимы
Своим позывом, что ведет их сам. 114

Он пламя мчит к луне, неудержимый
Он в смертном сердце возбуждает кровь;
Он землю вяжет в ком неразделимый. 117

Каждый идёт своим путём, плывёт к своему берегу, но движет всех Создатель, освещающий Луну, возбуждающий кровь в смертном сердце (дающий жизнь) и связывающий Землю в неразделимый ком. Солнце, как и Земля, подчиняется закону Всемирного Тяготения, открытому современником Данте – сэром Исааком Ньютоном (1642 – 1727 годы). Поэт неоднократно, в ходе Комедии, демонстрирует знание законов Ньютона.

Лук этот вечно мечет, вновь и вновь
Не только неразумные творенья,
Но те, в ком есть и разум и любовь. 120

Свет устроительного провиденья
Покоит твердь, объемлющую ту,
Что всех поспешней быстротой вращенья. 123

Туда, в завещанную высоту
Нас эта сила тетивы помчала,
Лишь радостную ведая мету. 126

Лук Создателя – Солнце, дарующее энергию для жизни не только неразумным творениям, но и тем, в ком есть разум и любовь – людям. Свет устроительного провиденья покоит твердь, объемлющую Солнце, которое вращается вокруг собственного центра со скоростью 1 оборот

за 27,5 дней, быстрее скорости обращения Меркурия вокруг него в 88 дней, не говоря уже об остальных планетах, что открыто Галилеем буквально с самого начала наблюдений за ним в телескоп. Показательно, что Луна оборачивается вокруг Земли за 28,5 дней. В то время ещё неизвестны другие спутники планет, оборачивающиеся быстрее, здесь поэт абсолютно точен.

Туда, в завещанную высоту, призывает Беатриче Данте с собой. Поэт, как стрела из лука Солнца, мчится вслед за ней, пронизывая все Сферы мироздания, имея целью постижение истины.

И все ж, как образ отвечает мало
Подчас тому, что мастер ждал найти,
Затем что вещество на отклик вяло, – 129

Так точно тварь от этого пути
Порой отходит, властью обладая,
Хоть дан толчок, стремленье отвести; 132

Беатриче говорит: – путь к вершинам познаний – тернистый путь. Люди – твари ленивые, стремятся уклониться от него, обладая властью не постигать новые знания, руководствуясь ленью, косностью мышления, прикрываясь запретами властей предрержащих. Мало людей, которые могут и хотят проникнуть в суть вещей, увидеть истину в том, что находится перед глазами, проделать хоть какую-то работу

В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ.

И как огонь, из тучи упадая
Стремится вниз, так может первый взлет
Пригнуть обратно суета земная. 135

Дивись не больше, – это взяв в расчет, —
Тому, что всходишь, чем стремнине водной,
Когда она с вершины вниз течет. 138

То было б диво, если бы, свободный
От всех помех, ты оставался там,
Как сникший к почве пламень благородный». —
И вновь лицо подъяла к небесам. 142

В Средние века полагают: – молния (огненный пар), зажатый в водяных парах тучи, расширяясь, прорывает их в наиболее слабой стороне – в той, которая обращена к Земле, поэтому она устремляется вниз, хотя огню свойственно стремиться ввысь, к Сфере Огня. Так и человек, даже озаренный вспышкой истинного знания, стремится вниз, пригибаемый земной суетой. Как ни рассказывай, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Она говорит: – человек, обладая возможностью познания, отводит это стремление, обладая волей. Это неудивительно, ведь Беатриче и Данте знакомы с трудами Беркли, Вольфа, Тетенса, Хатченсона, Монтеня, Юма, Декарта, Лейбница,

Локка, Мальбранша, Спинозы и других философов и мыслителей своего века. Первый взлёт может пригнуть суета земная – повседневность, мирские заботы, жажда власти, военная карьера – всё это не способствует взлёту духа. Взлёту духа нужно дивиться не больше, чем стремнине водной, текущей вниз под влиянием силы земного притяжения. Было бы более удивительно, если, окрылив свой дух, ты вдруг останешься на поверхности Земли.

И вновь Беатриче лицо поднимает к небесам – прильнув к окуляру телескопа, силой мысли начинает подниматься по небесным Сферам, увлекая за собой Данте.

Рай – Песня II

Первое небо – Луна.

Первые люди на Луне.

О вы, которые в челне зыбучем
Желая слушать,плыли по волнам
Вослед за кораблем моим певучим, 3

Поворотите к вашим берегам!
Не доверяйтесь водному простору!
Как бы, отстав, не потеряться вам! 6

Данте, обращается к читателям, следующим вслед за его певучим кораблём, желающим только слушать, не задумываясь об услышанном, с советом: – поворотить к своим спокойным берегам, ибо, отстав от мысли Комедии, они рискуют неизбежно потеряться в водном просторе разлитой вокруг его произведения мистики и нагромождений дремучего леса неграмотных толкований поэта.

Здесь не бывал никто по эту пору
Минерва веет, правит Аполлон,
Медведиц – Музы указуют взору, 9

В мире, куда поэт отправляется, ведомый Беатриче, они

первые из людей. Никто духом не взлетает на другие Сферы, за исключением Богов, Муз, и взнесенных на Небо созвездий. Даже в наше время, когда человек на космических кораблях только-только начинает преодолевать земное притяжение (точнее сказать, что Человек только пробует его преодолеть), никто ещё не поднимается до звёзд. Осуществлённый человеком полёт на Луну (*Диану, Минерву*), нельзя считать преодолением земного притяжения, так и сама Луна находится в его власти. В области выше Луны, где правит Солнце (Аполлон), Музы указывают Медведиц и другие созвездия, а человек физически там никогда не побывает.

А вы, немногие, что испокон
Мысль к ангельскому хлебу обращали,
Хоть кто им здесь живет – не утолен, 12

Вам можно смело сквозь морские дали
Свой струг вести там, где мой след вскипел,
Доколе воды ровными не стали. 15

Физически не побывает – не означает того, что Человек не побывает там полётом мысли. Данте обращает свои строки к тем немногим, кто испокон обращает свою мысль к ангельскому хлебу – хлебу истины, задумываясь об основах мироздания. Утолить голод ангельским хлебом невозможно – жажда познания не знает границ. Итак, не утолившие свой голод познания ангельским хлебом, смелее, вслед за по-

этом, через морские дали и дали безбрежного Космоса, пока виден кипящий след ладьи поэта, и пока воды вновь не становятся ровными.

Тех, кто в Колхиду путь преодолел
Не столь большое ждало удивленье,
Когда Ясон предстал как земледел. 18

Читателей «Рая» ждет еще большее удивление, чем приплывших в Колхиду аргонавтов, когда они видят, как их возждь, Ясон вспахивает на огнедышащих быках заветное поле, сеет на нем зубы дракона и одолевает вышедших изпод земли воинов, одетых в латы. (Метам. VII.100—143).

Ясон – в древнегреческой мифологии сын царя Иолка Эсона и Полимеды (или Алкимеды). Герой, участник Калидонской охоты, предводитель аргонавтов, отправившихся на корабле «Арго» в Колхиду, вместе с Гераклом и другими героями за золотым руном. Это задание ему даёт сводный брат его отца, Пелий, чтобы погубить его. Ясон упомянут в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера.

К какому веку отнести Ясона? Он принадлежит к первому поколению героев, рождённому семьёй Олимпийских богов. Верховного Олимпийского бога – Зевса-Громовержца и его брата – Колебателя Морей – Посейдона, он видит ещё живущими. До Троянской Войны он не доживает. Но, установление времени Олимпийских богов и Троянской Войны –

тема другой книги.

Врожденное и вечное томленье
По божьем царстве мчало наш полет,
Почти столь быстрый, как небес вращенье. 21

Взор Беатриче не сходил с высот
Мой взор – с нее. Скорей, чем с самострела
Вонзится, мчится и сорвется дрот, 24

Данте и Беатриче возносятся сквозь Сферы мироздания к Божьему царству. Их полёт направляет врожденное и вечное томление духа. Полёт их почти столь же быстрый, как вращенье небес, а небеса оборачиваются вокруг Земли раз в сутки. Беатриче устремляет свой взор к высотам, поэт, как послушный ученик, смотрит на неё.

Вонзится, мчится и сорвётся дрот с самострела – полёт стрелы поэт описывает в обратном направлении. Если посмотреть на выстрел из огнестрельного оружия со стороны цели, то сначала почувствуешь пулю, поразившую тебя, затем услышишь её свист и только потом услышишь выстрел из ружья, ведь скорость полёта пули превышает скорость звука. Если бы поэт считал это возможным, он прямо назвал бы это выстрелом из огнестрельного оружия. Именно огнестрельное оружие можно назвать самострелом с большим основанием, чем лук, который для выстрела необходи-

мо натянуть силой своих мускулов.

В начале XIV века, куда традиционно относят Данте, ни порох, ни огнестрельное оружие ещё не изобретены.

Век XVIII смело можно назвать «пороховым» и «пушечным» – веком огнестрельного оружия.

Я долетел до чудного предела
Привлекшего глаза и разум мой;
И та, что прямо в мысль мою глядела, – 27

Сияя радостью и красотой
«Прославь душой того, – проговорила, —
Кто дал нам слиться с первой звездой». 30

Путешественники в пространстве сливаются с первой звездой; они достигают Луны, ближайшего к Земле светила и погружаются в ее недра, как это с ними будет и на других планетах и небесных Сферах.

Кого Беатриче призывает прославить? Прежде всего, Создателя, без воли которого не делается ничего. А ещё создателя телескопа – великого Галилео Галилея.

Галилео Галилей (1564—1642 годы, якобы) – итальянский физик, механик, астроном, философ и математик, оказавший значительное влияние на науку своего времени.

Он первым использует телескоп для наблюдения небесных тел и делает ряд выдающихся астрономических открытий. Галилей – основатель экспериментальной физики. Своими экспериментами он убедительно опровергает умозрительную метафизику Аристотеля и закладывает фундамент классической механики.

При жизни известен как активный сторонник гелиоцентрической системы мира, что приводит Галилея к серьёзному конфликту с католической церковью.

Почему справка о Галилео Галилее приведена курсивом? Обнаружив «сдвиг Данте» понимаем: – любая дата ранее 1743 года подлежит проверке. Иначе получается: – поэт, описывая свои наблюдения спустя более, чем 100 лет после смерти великого астронома, показывает нам, что он стоит в самом начале этих великих событий, не обладая ни малейшими познаниями о ведущихся уже 133 года, якобы, астрономических наблюдениях в телескоп. *Ведь уже в 1610 году, якобы, Галилей открывает 4 спутника Юпитера.* И конечно, нельзя упустить момент, когда Данте упомянет это в Комедии.

Пока датировку события оставим такой, как она изложена в первоисточниках, но учитывая «перенос» времени жизни Джордано Бруно, понимаем, что и время жизни великого Галилео Галилея нуждается в уточнении, ведь судит их один и тот же инквизитор – Учитель Церкви Роберто Беллармин.

Поводом к новому этапу в научных исследованиях Галилея служит появление в 1604 году, новой звезды, называемой сейчас сверхновой Кеплера. Это пробуждает всеобщий интерес к астрономии, и Галилей выступает с циклом частных лекций. Узнав об изобретении в Голландии зрительной трубы, Галилей в 1609 году конструирует собственноручно первый телескоп и направляет его в небо.

Увиденное Галилеем настолько поразительно, что даже многие годы спустя находятся люди, которые отказываются поверить в его открытия и утверждают, что это иллюзия или наваждение. Галилей открывает горы на Луне, Млечный Путь распадается на отдельные звёзды, но особенно поражают современников обнаруженные им 4 спутника Юпитера (1610 год, якобы). В честь четырёх сыновей своего покойного покровителя Фердинанда Медичи (умершего в 1609 году), Галилей называет эти спутники «Медицийскими звёздами». Сейчас они носят более подходящее название «галилеевых спутников».

Свои первые открытия с телескопом Галилей описывает в сочинении «Звёздный вестник», изданном во Флоренции в 1610 году. Книга имеет сенсационный успех по всей Европе, даже коронованные особы спешат заказать себе телескоп. Несколько телескопов Галилей да-

рит Венецианскому сенату, который в знак благодарности назначает его пожизненным профессором с окладом 1000 флоринов. В сентябре 1610 года телескопом обзаводится Кеплер, а в декабре открытия Галилея подтверждает влиятельный римский астроном Клавиус. Наступает всеобщее признание. Галилей становится самым знаменитым учёным Европы, в его честь сочиняются оды, где он сравнивается с Колумбом. Французский король Генрих IV 20 апреля 1610 года, незадолго до своей гибели, просит Галилея открыть и для него какую-нибудь звезду. Есть, однако, и недовольные. Астроном Франческо Сицици выпускает памфлет, где заявляет, что семь – совершенное число, и даже в голове человека семь отверстий, так что планет может быть только семь, а открытия Галилея – иллюзия.

Протестуют также астрологи и врачи, жалуясь на то, что появление новых небесных светил «губительно для астрологии и большей части медицины», так как все привычные астрологические методы «окажутся до основания разрушенными».

Галилей продолжает научные исследования и открывает фазы Венеры, пятна на Солнце, а затем и вращение Солнца вокруг оси. Свои достижения (и свой приоритет) Галилей зачастую излагает в задиристо-полемическом стиле, чем наживает немало новых врагов (в частности, среди иезуитов).

Данте, только что вернувшийся из «просвещенной Европы», поучившийся в «передовых» Европейских университетах, кажется, ничего об этом не знает, глаза ему открывает Беатриче в Санкт-Петербурге. Поэтому статья о Галилее прописана курсивом и ставит под сомнение время жизни великого Галилео Галилея и время изобретения им телескопа. В совокупности, принимая, что Джордано Бруно, Галилео Галилея судит инквизитор Беллармин, являющийся также учителем миссионера Маттео Риччи, умершего около 1823 года, время жизни великого учёного следует перенести на 144 года ближе к нам.

Казалось мне – нас облаком накрыло
Прозрачным, гладким, крепким и густым,
Как адамант, что солнце поразило. 33

И этот жемчуг, вечно нерушим
Нас внутрь воспринял, как вода – луч света,
Не поступаясь веществом своим. 36

Путешественники не встают на Луну, как на твёрдое тело (не оставляют на ней своих следов). Их погружение в недра Луны и других планет чисто мысленное. Луна накрывает их, как облако, точнее, как вода – луч света, не расступаясь перед ним. Сравнение идёт с сиянием бриллианта, попавшего на солнечный свет и с жемчугом, через который просвечи-

вает Солнце. Эти воззрения известны поэту из древних источников, хотя уже Плутарх, в своей работе: – «О лике, видимом на диске Луны», приходит к выводу о тождественности природы Луны и Земли.

Данте пользуется этим приёмом сознательно, подчёркивая, что рассуждения о природе планет и звёзд не являются предметом Комедии. Небесная лестница планет, доходящая до звёзд, нужна ему исключительно для иллюстрации земной истории в её великих ключевых персонажах, так же, как круги Ада и Чистилища; только на ней будут располагаться не грешники, а святые.

Коль я был телом, и тогда, – хоть это
Постичь нельзя, – объем вошел в объем,
Что должно быть, раз тело в тело вдето, 39

То жажда в нас должна вспылать огнем
Увидеть Сущность, где непостижимо
Природа наша слита с Божеством. 42

Там то, во что мы верим, станет зримо
Самопонятно без иных мерил;
Так – первоистина неоспорима. 45

Что может проникнуть в физическое тело, не изменив его? Даже свет Солнца, падающий на Луну, либо попадающий в чистую воду изменяет их свойства – температуру, све-

тимость, видимость, хотя кажется, что вода, например, воспринимает луч света без движения и без ущерба для себя. Не изменяет свойств предмета только мысль, силой которой Данте и Беатриче возносятся сквозь небесные сферы. Жажда познать сущность явлений очень сильна у мыслящего человека. Постичь явление, не слившись с ним, как с Божеством, в те времена считается невозможным, да это невозможно и для современного человека. Смертные люди живут заблуждениями. Много ли мы сегодня знаем о природе Солнца, планет и звёзд?

Я молвил: «Госпожа, всей мерой сил
Благодарю того, кто благодатно
Меня от смертных стран отъединил. 48

Но что, скажите, означают пятна
На этом теле, вид которых нам
О Каине дает твердить превратно?» 51

Поэт обращается к Беатриче, благодаря её за науку, спрашивая: – «Какова природа лунных пятен?». Он благодарит Создателя, который отъединил его от смертных стран, ведь: – «Ничто не вечно под Луной, выше которой всё вечно». *Народная фантазия видела в лунных пятнах фигуру Каина с вязанкой хвороста* [Рис. Р. II.1].

Р. II.1 Вид полной Луны в телескоп, снабженный свето-фильтрами. Луна – единственное небесное тело, неоднородная поверхность которого видна невооруженным глазом. Народная фантазия видит на Луне фигурку Каина, несущего хворост. Плутарх, рассуждая о природе пятен на поверхности Луны, объясняет их разной «скважностью» планеты, не подразумевая, что она является небесным твёрдым телом. Считается, что Луна – «скважина» на хрустальной сфере, через которую к нам доходит слабый свет Эмпирея.

Тогда она с улыбкой: «Если там
Сужденья смертных ложны, – мне сказала, —
Где не прибегнуть к чувственным ключам, 54

Взирай на это, отстраняя жало
Стрел удивленья, раз и чувствам вслед,
Как видишь, разум воспаряет вяло. 57

А сам ты мыслишь как?» И я в ответ
«Я вижу этой разности причину
В том, скважен ли, иль плотен сам предмет». 60

Мысль человеческая есть ложь, говорит Беатриче; если не можешь прибегнуть к своим чувствам, смотри на неё, избегая удивления и руководствуясь только доводами разума. Она с улыбкой спрашивает его, что он сам думает по этому поводу.

Поэт отвечает, что видит этой разности причину (чередование светлых и темных пространств на поверхности Луны), следуя Аверроэсу и Плутарху, разной степенью плотности отдельных частей лунного шара. Более плотные части лучше отражают солнечный свет, чем более скважные (дырявые, разреженные).

Он не может обойтись только декларацией эфемерного

состава Луны и планет, поэтому, в диалоге с Беатриче, раскрывает научные воззрения учёных своего времени – XVIII века на их природу.

Она же мне: «Как мысль твоя в пучину
Неистинного канет, сам взгляни,
Когда мой довод я навстречу двину. 63

Восьмая твердь являет вам огни
И многолики, при числе несчетном,
Количеством и качеством они. 66

Она опровергает это мнение как ошибочное, приводя в пример восьмую твердь – звёздное небо. Звёзды многолики количеством и качеством, имеют не только разную яркость, но и разный спектр свечения, что невозможно объяснить скважностью и плотностью, если считать их освещёнными только светом Перводвигателя, Эмпирея, который для всех и для всего Един.

Будь здесь причина в скважном или плотном
То свойство было бы у всех одно,
Делясь неравно в сонме быстролетном. 69

Различие свойств различьем рождено
Существенных начал, а по ответу,
Что ты даешь, начало всех равно. 72

Свойство у всех светил восьмой тверди – Сферы звёзд, кажется, всего одно, но, чего стоит только разнообразие цвета звёзд. Скважность или плотность – причина, не удовлетворяющая пытливый ум, так как отвергает огромное многообразие других причин. Различие свойств Сферы звёзд порождается не скважностью или плотностью, а различием «существенных начал» – (principium formale) – термин схоластической философии, означающий то, что придает телам их отличительные особенности и свойства.

И сверх того, будь сумрачному цвету
Причиной скважность, то или насквозь
Неплотное пронзало бы планету, 75

Или, как в теле рядом ужилась
Худое с толстым, так и тут примерно
Листы бы ей перемежать пришлось. 78

Если сумрачному свету причина скважности, то эта неплотность пронизает планету насквозь, и тогда придётся признать планету не сплошной, а слоистой с промежутками между слоями.

О первом бы гласили достоверно
Затмения солнца: свет сквозил бы здесь,
Как через все, что скважно и пещерно. 81

Так не бывает. Вслед за этим взвесь

Со мной второе; и его сметая,
Я домысл твой опровергаю весь. 84

Это можно наблюдать при солнечных затмениях, когда Луна загоразивает собою Солнце. При наличии скважности Луны, свет будет проникать сквозь неё, но мы этого не наблюдаем.

Коль скоро эта скважность – не сквозная
То есть предел, откуда вглубь лежит
Ее противность, дальше не пуская. 87

Отсюда чуждый луч назад бежит
Как цвет, отосланный обратно в око
Стеклом, когда за ним свинец укрыт. 90

Так что скважность не сквозная. Если же представить себе скважность, как смесь толстых и тонких листов, то и это не может объяснить пятен на Луне, так как свет, дойдя до дна, отразится, и вернётся обратно неизменным. Это очень наивное рассуждение, но куда более прогрессивное, чем понятие скважности.

До изобретения способа изготовления зеркал путём покрытия стекла серебряной амальгамой, стекло покрывают расплавленным свинцом, получая свинцовое зеркало, так же хорошо отражающее свет, но менее долговечное.

Ты скажешь мне, что луч, войдя глубоко
Здесь кажется темнее, чем вокруг,
Затем что отразился издалека. 93

Чтоб этот довод рухнул так же вдруг
Тебе бы опыт сделать не мешало;
Ведь он для вас – источник всех наук. 96

Следующий довод, выдвигаемый ею в споре, касается довода изменения силы света расстоянием. Для опровержения его, она предлагает поэту сделать следующий опыт, ведь опыт – источник всех наук.

Возьми три зеркала, и два сначала
Равно отставь, а третье вдаль попять,
Чтобы твой взгляд оно меж них встречало. 99

К ним обратясь, свет за спиной приладь
Чтоб он все три зажег, как строй светилен,
И ото всех шел на тебя опять. 102

Хоть по количеству не столь обилен
Далекий блеск, он яркостью своей
Другим, как ты увидишь, равносилен. 105

Теперь, как под ударами лучей
Основа снега зрится обнажённой
От холода и цвета прежних дней, 108

Таков и ты, и мысли обновлённой
Я свет хочу пролить такой живой,
Что он в глазах дрожит, воспламенённый. 111

Основная мысль опыта заключена в том, что если количественную характеристику света – яркость ещё можно объяснять скважностью или плотностью, то качественную характеристику – разность цветового спектра объяснить этим уже нельзя.

Итак, говорит Беатриче, теперь, когда твоя мысль освобождается от холода и цвета прежних дней, как освобождается и обновляется земля от тающего снега под ударами лучей Солнца, ты готов уже воспринять живой цвет истины, который дрожит, воспламененный в твоих глазах.

На дворе месяц май, яркое Солнце которого доедает последние островки снега, размораживает и согревает Землю, покрывая её пёстрым ковром весенних цветов.

Под небом, где божественный покой
Кружится тело некое, чья сила
Все то, что в нем, наполнила собой. 114

Твердь вслед за ним, где столькие светила
Ее распределяет естествам,
Которые, не слив с собой, вместила. 117

Так поступает к остальным кругам
Премного свойств, которые они же

Под небом неподвижных звёзд, где божественный покой, внутри неподвижного Эмпирея – Сферы звёзд, кружится тело некое – наше Солнце, чья сила притяжения заполняет собой всю солнечную систему. Вслед за ним естественным образом расположены планеты солнечной системы, которые Сфера звёзд – восьмая твердь – вмещает в себя, не сливая с собой, поэтому планеты движутся относительно неподвижных звёзд. Каждое небо (круг) приспособляет свойства, полученные им от вышле лежащих небес, к своим целям и воздействует на причины (корни) явлений. Так связаны все Сферы Мира.

Среди этих рассуждений можно выделить главное: – Беатриче говорит о твёрдых телах, которые кружатся под неподвижным звёздным небом – планетах солнечной системы. К планетам, представляющим собою твёрдые тела, она относит и Луну.

Строй членов мира, как, всмотревшись ближе
Увидел ты, уступами идет
И, сверху взяв, потóm вручает ниже. 123

Следи за тем, как здесь мой шаг ведет
К познанию истин, для тебя бесценных,
Чтоб знать потом, где пролегает брод. 126

Строй членов мира начинается от некоего Перводвигателя (Эмпирея) – и потом, как бы ступенями, спускается вниз. Очень хорошая иллюстрация Гелиоцентрической системы, где всё начинается от нашей звезды – Солнца, как от вершины и спускается вниз, к планетам. Теми же шагами идёт и познание человеком истины. Не познавший истины, подобен человеку, который не знает, где пролегает брод через бурную реку.

Исходят бег и мощь кругов священных
Какковка от умеющих ковать,
От движителей неких блаженных. 129

И небо, где светил не сосчитать
Глубокой мудрости, его кружащей,
Есть повторенный образ и печать. 132

Небо есть повторённый неисчислимое число раз образ Солнечной системы и печать глубокой мудрости, оно движется некими блаженными (непознанными пока) движителями. Чтобы их постичь, нужно понять, что ковать можно, только научившись этому ремеслу – распознавать законы мироздания.

И как душа, под перстью преходящей
В разнообразных членах растворясь,

Их направляет к цели надлежащей, 135

Так этот разум, дробно расточась
По многим звездам, благодать изливает,
Вокруг единства своего кружась. 138

И каждая из разных сил вступает
В связь с драгоценным телом, где она,
Как в людях жизнь, по-разному мерцает. 141

Высший разум, расточась по звёздам, как бы невидимой рукой направляет каждую из них к надлежащей цели, кружась вокруг своего единства. Каждая из движущих сил вступает в связь со своей звездой и поэтому, мерцает по-своему, как в каждом человеке мерцает по-своему жизнь. Так же разнообразно мерцают перед нами планеты солнечной системы.

Ликующей природой рождена
Влитая сила светится сквозь тело,
Как радость сквозь зрачок излучена. 144

В ней – ключ к тому, чтоб разное блестело
По-разному, не в плотности отнюдь:
В ней – то начало, что творит всецело,
По мере благодати, и блеск и муть». 148

Строй членов мира – звёзд и планет устроен кругами и приводится в движение двигателями некими блаженны-

ми – законом Всемирного Тяготения и другими законами. И всё звёздное небо, где светил не сосчитать, подчиняется тем же законам. Все тела вступают во взаимодействие посредством единых сил и причин, но ликующая природа своей влитой силой светится сквозь них. В солнечной системе эта сила светится из нашего Солнца, в которое влита. Небо в своей великой мудрости расточает свой разум по многим Звёздам. Это – ключ к тому, что каждое светило блестит по-разному. Блеск зависит от начала, его производящего (от благости вызывающей его силы), поэтому, по мере благости, каждому светилу соответствует своя яркость и свой цвет (свой блеск и своя мутность). Так говорит Беатриче.

Сегодня эти рассуждения, при всей своей наивности, не утрачивают актуальности. Век XVIII по праву можно назвать веком открытия Космоса. Наблюдения в телескоп, позволяющие увидеть планеты в форме диска, открытие собственного движения Солнца и пятен на нём, открытие спутников планет, наблюдение прохождения Венеры по диску Солнца, наконец, открытие новой, восьмой планеты Солнечной системы – Урана с двумя его спутниками, Гелиоцентрическая система мира – всё это достижения именно XVIII века, хотя ряд этих достижений по политическим соображениям перенесён на бумаге в предыдущие века, вместе с инквизиционными процессами над великими учёными.

Рай – Песня III

Первое небо – Луна (продолжение). – Нарушители обета. Данте встречает на Луне свою невесту.

То солнце, что зажгло мне грудь любовью
Открыло мне прекрасной правды лик,
Прибегнув к доводам и прекословью; 3

И, торопясь признать, что я постиг
И убежден, я, сколько подобало,
Лицо для речи поднял в тот же миг. 6

Поэт восторгается Беатриче, называя её Солнцем, что зажигает его грудь любовью, хваля её доводы и аргументы, открывающие для него прекрасный лик правды. Он, торопясь признать, что всё понимает из этой лекции, поднимает лицо и глаза для ответа, сколько подобает ученику.

Но предо мной видение предстало
И к созерцанью так меня влекло,
Что речь забылась и не прозвучала. 9

Как чистое, прозрачное стекло

Иль ясных вод спокойное течение,
Где дно от глаз неглубоко ушло, 12

Нам возвращают наше отраженье
Столь бледным, что жемчужину скорей
На белизне чела отыщет зренье, – 15

Такой увидел я чреду теней
Беседы ждавших; тут я обманулся
Иначе, чем влюбившийся в ручей. 18

Как только взором я до них коснулся
Я счел их отраженьем лиц людских
И, чтоб взглянуть, кто это, обернулся; 21

Перед поднятым взором Данте, в глубине Луны предстают видения, на которые так хочется смотреть, что он не начинает заготовленной речи. Он видит, как в чистом, прозрачном стекле или в ясной воде, бледные отражения теней, ждущих беседы. Он понимает, что перед ним только отражения и оборачивается, желая увидеть того, кто отражается в глубине Луны.

Нарцисс (влюбившийся в ручей, вернее, в своё отражение в воде ручья) пленится им, приняв его за живого юношу. (Метам., III, 346—510).

Поэт приступает к реализации своего замысла, распо-

лагая на планетах святые души. На Луне он видит первые из них, сочтя их сначала за отражение чьих-то лиц. Он обманывается не так, как Нарцисс, а наоборот, поняв, что это просто отражения.

Вперив глаза в ничто, я вверил их
Вновь свету милой спутницы; с улыбкой,
Она пылала глубию глаз святых. 24

Обернувшись, поэт встречается с пылающей глубию святых глаз сопровождающей его Беатриче, которая улыбается ему. После созерцания слабых отражений, он снова тонет в них. Слово святой появляется не случайно, именно о святых пойдёт речь дальше.

Какие глаза для поэта святые? Глаза его возлюбленной!

«Что я смеюсь над детской ошибкой, —
Она сказала, – странного в том нет:
Не доверяясь правде мыслью зыбкой, 27

Ты вновь пустому обращен вослед
Твой взор живые сущности встречает:
Здесь место тех, кто преступил обет. 30

Беатриче смеётся над мыслями поэта, как над детскими заблуждениями, предлагает ему, спросить живые сущности, которые он видит в глубине Луны и сообщает, что здесь ме-

сто тех, кто преступает обет. Она говорит о живых сущностях, а не о душах, подчёркивая, что Данте видит перед собой отражение живущего на тот момент человека.

Как душа живого человека может попасть в небесный Рай? Ответ будет дан вскоре.

Спроси их, слушай, верь; их утоляет
Свет вечной правды, и ни шагу он
Им от себя ступить не позволяет». 33

И я, к одной из теней обращен
Чья жажда говорить была мне зрима,
Сказал, как тот, кто хочет и смущен: 36

«Блаженная душа, ты, что, хранима
Все вечным светом, знаешь благодать,
Чья сладость лишь вкусившим постижима, 39

Я был бы счастлив от тебя узнать
Как ты зовешься и о вашей доле».
Та, с ясным взором, рада отвечать: 42

Беатриче советует поэту спросить отражения, которые он видит так как их утоляет свет вечной правды. Он выбирает из теней одну, кажущуюся ему наиболее знакомой, знающей его, горящей жаждой поговорить с ним, обращается к ней, желая узнать её долю. Тень ясным взором показывает, что рада отвечать ему.

«У нас любовь ничьей правдивой воле
Дверь не замкнет, уподобляясь той,
Что ждет подобных при своем престоле. 45

Была я в мире девственной сестрой
И, в память заглянув проникновенно,
Под большею моею красотой 48

Пиккарду ты узнаешь, несомненно
Среди блаженных этих вкруг меня
Я в самой медленной из сфер блаженна. 51

Желанья наши, нас воспламеня
Служеньем воле духа пресвятого,
Ликуют здесь, его завет храня. 54

И наш удел, столь низменней иного
Нам дан за то, что нами был забыт
Земной обет и не блюлся сурово». 57

Уподобляясь Непорочной Деве, которая в своей неизреченной любви Желает: – пусть все обитатели небесного царства будут подобны ей, тень даёт обет девственности. Поэт встречает свою бывшую невесту – сестру встреченного им в Чистилище фаворита – Форезе – Ивана Алексеевича Долгорукова, о которой тот говорит с ним. Она называет себя Пиккардой, преступившей обет, хотя и не по своей во-

ле, девственницей, посвятившей себя Христу, поэтому она и блаженствует в самой медленной из сфер – Луне. Екатерина Алексеевна Долгорукова (1712—1747 годы) [Рис. Р. III.1] была выдана замуж (преступает обет, хотя и не по своей воле), но вскоре простудилась и умерла.

Р. III.1 Екатерина Алексеевна Долгорукова (1712—1747 годы), невеста императора Петра II, несостоявшаяся императрица Екатерина III (хозяйка стада). У Данте изображена, как Пиккарда, сестра Форезе (Ивана Долгорукова, фа-

ворита Петра II). Красавица высокого роста, после «смерти» императора, отправлена в ссылку со всей семьёй. Императрица Елизавета Петровна возвращает её из ссылки и делает фрейлиной. Хранит верность Петру II, живя в монастыре. В 1747 году выдана замуж против её воли, вскоре умирает. Данте помещает её на Луне – нижней Сфере Небесного Рая.

Екатерина Алексеевна Долгорукова (1712—1747 годы) – княжна, дочь князя Алексея Григорьевича Долгорукова, **невеста императора Петра II, несостоявшаяся императрица России (несостоявшаяся «хозяйка стада»)**.

Воспитывается вместе с братом своим Иваном в Варшаве в доме деда своего Григория Фёдоровича. Подчиняясь приказанию отца, княжна Екатерина соглашается выйти замуж за императора Петра II, тогда как питает страстную любовь к шурина австрийского посла графа Вратислава, графу Мелиссимо, и взаимно им любима. **19 ноября 1729 года она объявлена невестой четырнадцатилетнего императора, а 30 ноября состоится её торжественное обручение, причём ей дан титул «Её высочества государыни-невесты»**. На другой день после обручения она переезжает на жительство в Головинский дворец, а граф Мелиссимо отправлен за границу.

Однако женой Петра II Екатерина так и не будет – за две недели до свадьбы, в январе 1730 года Пётр II заболевает и умирает. Долгоруковы подготавлива-

ют поддельное завещание в пользу «государыни-невесты», но не рискуют его предъявить.

После кончины Петра II княжна Екатерина возвращается в дом родителей и вместе с ними, по вступлении на престол императрицы Анны Ивановны, в апреле 1730 года, сослана в Берёзов, а также содержится в Томске в Томском Христорождественском монастыре. Она служит невольной причиной новых бедствий своей семьи.

В 1740 году она перевезена в Томск и заточена в Томском Рождественском монастыре, где содержится в самом строгом заключении почти год. Императрица Елизавета приказывает освободить её и жалует ей звание фрейлины. В 1745 году она выходит замуж за генерал-поручика графа А. Р. Брюса, но вскоре простужается и умирает.

По некоторым сведениям, похоронена в ограде Андреевского собора.

Пиккарда в 1743 году ещё жива, поэтому Беатриче говорит: – Данте видит в Луне отражения живых ещё людей. Он, прибыв в 1743 году в Санкт-Петербург, встречает там свою бывшую невесту – фрейлину императрицы Елизаветы Петровны, но переживёт её намного, поселив в Небесном Раю своей памяти.

Пиккарда называет Луну самой медленной из сфер и это утверждение необходимо понять.

Как человек оценивает скорость движения небесных объектов до Галлея и Ньютона? Наблюдая видимое обращение Солнца вокруг «неподвижной» Земли, первый вывод, к которому приходишь: – Солнце делает один оборот вокруг Земли за 24 часа, точнее, один оборот Солнца разбит человеком на 24 равных отрезка, называемых часами. Сфера звёзд «опережает» Солнце на один оборот за год и является, с этой точки зрения, самой быстрой из небесных сфер (Солнце и планеты движутся относительно неподвижных звёзд, в сторону, противоположную направлению вращению звёздного неба).

С этой точки зрения, Сатурн «отстаёт» от вращения Сферы звёзд на один оборот за 29,46 лет, Юпитер за 11,86 лет, Марс за 1,88 лет, Солнце за один год, а Луна за 27,322 дня, поэтому, Луну можно назвать самой медленной планетой Геоцентрической системы.

Парадоксы Луны на этом не заканчиваются. Ближайшая к Земле планета преподносит сюрприз, смутивший умы человечества, породивший жаркие и кровавые споры о месте Земли во Вселенной.

«Вращается ли Земля вокруг своей оси?» – главный вопрос, решение которого революционизирует мировоззрение человека. В самом деле, на первый взгляд, неподвижность Земли предельно ясна каждому человеку, «стопа которого давит на земную грудь». А крылатое выражение: – «Земля уходит из-под ног», ярко иллюстрирует ощущения, когда

начинаешь представлять, что Земля вертится вокруг своей оси. Учёные, осмелившиеся утверждать, что Земля вертится, сгорают на кострах святой инквизиции, вместе со своими трудами. Одним из главных аргументов учёных, отстаивающих неподвижность Земли, становится видимая «неподвижность» Луны.

«Вращается ли Луна вокруг своей оси?» – вопрос, который и сегодня практически неподъёмен для сознания большинства людей. Каждую ночь мы можем видеть Луну, неизменно обращенную к Земле одной и той же стороной, и это является для многих «неопровержимым» доводом в пользу её неподвижности.

Представьте, как тяжело приходится на суде инквизиции Джордано Бруно и Галилео Галилею, а Николай Коперник (1473 – 1543 годы), автор Гелиоцентрической системы мира, в своём предисловии к знаменитой книге: – «О вращении небесных сфер», осторожно пишет:

«Принимая в соображение, какой нелепостью должно показаться это учение, я долго не решался напечатать мою книгу и думал, не лучше ли будет последовать примеру пифагорейцев и других, передававших своё учение лишь друзьям, распространяя его только путём предания».

Как Луна, при всей своей видимой «неподвижности», вращается вокруг своей оси, так и все космические объекты

имеют собственное вращение, не исключая Землю. Прямое подтверждение этого факта получает уже Галилей, обнаружив, с помощью телескопа, собственное вращение Солнца вокруг своей оси, собственные вращения других крупных планет, равно, как и наличие у них спутников, подобных нашей Луне.

И я на то: «Ваш небывалый вид
Блещет так божественно и чудно,
Что он с начальным обликом не слит. 60

Здесь память мне могла служить лишь скудно
Но помощь мне твои слова несут,
И мне узнать тебя теперь нетрудно. 63

Но расскажи: вы все, кто счастлив тут
Взыскуете ли высшего предела,
Где большой кругозор и дружба ждут?» 66

Поэт, обратив внимание на божественный и чудный вид Пиккарды, говорит, что узнаёт её по словам, хотя она и сильно изменилась, и спрашивает: – «Взыскуют ли души, находящиеся с нею в самой нижней из небесных Сфер, высшего предела, где ждут большой кругозор и дружба?».

С другими улыбаясь, тень глядела
И, радостно откликнувшись потом,
Как бы любовью первой пламенела: 69

«Брат, нашу волю утолил во всем
Закон любви, лишь то желать велящей,
Что есть у нас, не мысля об ином. 72

Когда б мы славы восхотели вящей
Пришлось бы нашу волю разлучить
С верховной волей, нас внизу держащей, – 75

Чего не может в этих сферах быть
Раз пребывать в любви для нас necesse
И если смысл ее установить. 78

Ведь тем-то и блаженно наше esse
Что божья воля руководит им
И наша с нею не в противовесе. 81

И так как в этом царстве мы стоим
По ступеням, то счастливы народы
И царь, чью волю вольно мы вершим; 84

Она – наш мир; она – морские воды
Куда течет все, что творит она,
И все, что создано трудом природы». 87

Ответ тени благоразумен: – «Закон любви велит нам желать только то, что у нас есть, а желать большего – входить в противоречие с волей Творца». Тени здесь счастливы, стоя на своей ступени и славя Царя, чью волю они вольно вер-

шат. «Necesse – необходимо» (латинский термин схоластической философии). «Esse – бытие» (латинский термин, как и предыдущий). В речи Пиккарды, Данте выражает своё отношение к монархии, в которой царь является помазанником Божиим и творит Его волю. Управляемый им народ должен быть счастлив, находясь в иерархии на своей ступени, вольно верша волю своего царя, которая создаёт для него мир, подобный морским водам, в которые впадает и наполняет его воля и труд подданных, труд покоренной человеком природы.

Тут я постиг, что всякая страна
На небе – Рай, хоть в разной мере, ибо
Неравно милостью орошена. 90

Но как, из блюд вкусив какого-либо
Мы следующих просим иногда,
За съеденное говоря спасибо, 93

Так поступил и молвил я тогда
Дабы услышать, на какой же ткани
Ее челнок не довершил труда. 96

Поэт из слов Пиккарды постигает, что на небесах любая обитель – Рай, хотя и неравно орошена милостью Божьей. Но желая услышать и огласить более точный ответ, он спрашивает её: – «На какой же ткани твой челнок не совершил

труда?» – что же она не совершает, чтобы удостоиться более высокой славы?

«Жену высокой жизни и деяний, —
Она в ответ, – покоит вышний град.
Те, кто ее не бросил одеяний, 99

До самой смерти бодрствуют и спят
Близ жениха, который всем обетам,
Ему с любовью принесенным, рад. 102

Пиккарда отвечает: – есть только одна Жена высокой мысли и деяний – Непорочная Дева Богородица, которая непосредственно вознесена на небеса. Другие жены, облачающиеся в одеяния девственности, до самой смерти живут возле обетованного Жениха – Христа, который рад всем обетам, приносимым ему с любовью.

Я, вслед за ней, наскучив рано светом
В ее одежды тело облекла,
Быть верной обещав ее заветам. 105

Но люди, в жажде не добра, а зла
Меня лишили тихой сени веры,
И знает бог, чем жизнь моя была. 108

Она последует за Богородицей, уйдя в монастырь, принесёт обет девственности, но злые люди лишат её тихой сени

Веры, принудив нарушить обет (выдадут замуж), и только Бог знает, чем станет её жизнь.

А этот блеск, как бы превыше меры
Что вправо от меня тебе предстал,
Пылая всем сияньем нашей сферы, 111

Внимая мне, и о себе внимал
С ее чела, как и со мной то было,
Сорвали тень священных покрывал. 114

Образ Богородицы всегда с Пиккардой, Данте видит блеск Его справа от её тени. Пиккарда уточняет: – с чела Богородицы также сорваны священные покрывала девственности.

Эта мысль крамольна сама по себе, она опровергает известный Христианский миф о Непорочном Зачатии и Непорочном Рождении Христа. Но, разум подсказывает простую мысль: – женщина не может зачать и родить, будучи и оставшись непорочной девственницей. Почему Данте срывает с Богородицы покров девственности – тема другой книги.

Когда ее вернула миру сила
В обиду ей и оскорбив алтарь, —
Она покровов сердца не сложила. 117

То свет Костанцы, столь великой встарь
Кем от второго вихря, к свевской славе,
Рожден был третий вихрь, последний царь». 120

Так молвила, потом запела «Ave
Maria», исчезая под напев,
Как тонет груз и словно тает въяве. 123

Мой взор, вослед ей пристально смотрев
Насколько можно было, с ней простился,
И, к цели больших дум его воздев, 126

Я к Беатриче снова обратился
Но мне она в глаза сверкнула так,
Что взгляд сперва, не выдержав, смутился;
И новый мой вопрос замедлил шаг. 130

Когда насильно Богородицу возвращают миру, выдав замуж за Иосифа Обручника, оскорбив тем самым алтарь девственности, она, неколебимая сердцем, остаётся девственницей. Её покоит самый вышний град за то, что она, не лишившись девственности, от второго вихря – Бога-Святого Духа рождает третий вихрь – Бога-Сына – Спасителя – Иисуса Христа, последнего Царя Царей. При этом Пиккарда связывает Богородицу со светом великой Костанцы (в итальянском тексте luce de la gran Costanza) и делает дополнение, что последний Царь рожден к Свевской славе. В итальянском тексте стоит слово Soave, что следует читать, как Саваоф.

Полная формула звучит так: – «К славе Господа Савао-

фа – Бога-Отца – Создателя, от Бога-Святого Духа, Непорочная Дева родила Бога-Сына – Спасителя, последнего Царя Царей, Иисуса Христа – воплощение Бога-Отца».

Пиккарда поёт уместный именно здесь гимн Богородице — «Ave, Maria» и исчезает. Это – начальные слова латинской молитвы: – «Радуйся, Благодатная Мария», которая по-русски звучит так:

«Богородице, Дева, радуйся! Благодатная Мария, Господь с тобой! Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего! Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь!»

Данте, беседуя с Пиккардой, совсем забывает про Беатриче и, обернувшись, встречается с её таким испепеляющим взглядом, что смущается, забыв задать вопрос об увиденном. И понятно, почему: – Екатерина Долгорукая – нареченная невеста Петра II, а Елизавета Петровна сама страстно любит его, и желает быть его женой, поэтому она дико ревнует поэта.

Почему Пётр II Алексеевич и Елизавета Петровна не находят счастья в браке и не продолжают род императоров Российских? К этому находят серьёзные препятствия не только со стороны Имеющего Власть.

Остаётся объяснить часто используемое Данте имя – Костанца. В разных местах Комедии, поэт присваивает это имя

разным женщинам, которых объединяет одно свойство – в своё время они становятся полноправными правительницами своих стран (наследницами по прямой), например, дочь Петра Великого – полноправная императрица Российской империи – Елизавета Петровна Романова. Остаётся вопрос: – «Правомерно ли применение имени Костанца к Богородице?» но это тема другой книги.

Реконструкция событий:

Бал—маскарад начинается. В самой большой зале объявлена ярмарка невест. Одна половина огромной старинной залы императорского дворца, освещенная ярким светом тысяч свечей в канделябрах и паникадилах, наполняется девицами от 10 лет до..., лица которых скрывают маски. В другой половине, маски скрывают лица женихов всех возрастов; все в маскарадных костюмах, от прекрасных до уродливых.

Герольды трубят, двери залы распахиваются с двух сторон и в них входят двухметроворостые великаны в масках, одетые в камзолы, шальвары, ботфорты, неотличимые один от другого. На головах у них широкополые шляпы с перьями, у одного белыми, у другого – красными. Сойдясь посреди залы, они снимают шляпы и церемонно раскланиваются друг перед другом.

«Данте Алигьери» – представляется великан в шляпе

с белыми перьями.

«Джсанни Скикки» – откликается великан в шляпе с красными перьями голосом первого великана, как будто эхом.

«Огласи указ, Джсанни» – требует первый великан.

Второй великан достаёт из-под полы просторного камзола свиток с привязанной печатью, разворачивает его и оглашает: – «Именем Его императорского Величества, повелеваю всем девицам моей империи от 10 лет, прибыть на ярмарку невест в костюмах и масках. Также повелеваю всем женихам, которым надоедает холостяцкая жизнь, прибыть тем же порядком туда же. Неявившиеся пусть пеняют на себя. Да быть по сему!».

«Исполнен ли указ, Джсанни?» – спрашивает первый великан.

«Исполнен, Данте» – подтверждает второй. А коли, кто не исполнит, повинен смерти.

«Как же их смотреть, Джсанни?» – спрашивает первый, оглядев толпу девиц в масках: – «Личиков-то не видно, но-эжек тоже».

«Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить» – хохочет второй: – «А смотреть будем по росту» – и машет герольдам платком.

Герольды трубят, в залу входят двенадцать палачей в красно-чёрных плащах, опоясанных верёвками, на концах которых завязаны петли. Лица их скрыты остроконечными капюшонами с прорезями для глаз. Две пары палачей несут

виселищы из двух столбов с перекладинами, с которых висают петли, две другие пары несут плахи, остальные держат на плечах огромные, остро отточенные топоры. Дойдя до середины зальы, палачи устанавливают виселищы, образовав двое ворот, кладут плахи поперёк них, как пороги, с размаху вгоняют в них огромные топоры.

«Всё готово, Данте» – докладывает второй великан: – «Огласи указ».

Первый великан достаёт из-под полы такой же свиток, разворачивает его и оглашает: – «Именем Его императорского Величества, повелеваю оным невестам и оным женихам, пройти под виселищей и перешагнуть плаху, не склоняя головы, а кто не пройдёт, повинен окончить свою холостую жизнь, в том же порядке, как и не пройдёт. Да быть по сему!».

«Женихов палачи поведут» – объявляет второй великан: – «А кто же невест будет?»

«А вон, две чертовки стоят» – указывает первый на двух девиц, стоящих впереди толпы, в рыжих париках, с розжками, с чёрными хвостами сзади: – «Ну-ка, чертовки, сюда!» – и машет рукой. Те, смеясь, подбегают к великанам, ростом не доставая им до плеча.

«Как звать, чертовки?» – строго спрашивает первый великан.

«Беатриче» – отвечает первая высоким голосом.

«Мательда» – отвечает вторая низким голосом.

«А может у них не ножки, а козьи копытца?» – с сомнением произносит второй великан: – «Да может и волосатые, как у царицы Савской? Ну-ка, чертовки, сбросьте обувь, да покажите ножки».

«Сам первый сбрось!» – негодует воскликнула Мательда: – «У самого небось копыта, как у козла!»

Второй великан вскидывает одной ногой, потом другой, ботфорты разлетаются в разные стороны, вздёргивает шальвары до колен. Чертовки, весело смеясь и приплясывая, следуют его примеру, задрав подошвы ещё выше, показывая белые ножки.

«Объявляю указ!» – сбрасывая ботфорты, кричит первый великан: – «Все идут под виселицу без обуви, показывая ножки. У кого същутся копыта, палачам – отрубать, чертей вешать! Да быть по сему!»

«Палачи!» – кричит второй великан: – «Начинать жёнкам от трёх аришин без трёх вершков, невестам от двух аришин с половиной. Как все пройдут, по вершину спускать, кто не пройдёт – жёнить. Да быть по сему» и первым идёт под виселицу. Коснувшись перекладины лбом, рыдает: – «Ах, я, несчастный, пропала вольная жизнь», кричит первому: – «Теперь ты!».

Первый великан, коснувшись лбом перекладины, хохочет, и встаёт со вторым, рядом с виселицей.

«Ну, теперь жди невесту, тебе первая, мне вторая» – смеётся второй великан и машет платком. Герольды тру-

бят, с хоров гремит музыка. По залу вертятся два хоровода. Палачи прогоняют через виселицу женихов, срывая с них сапоги, чертовки, перескочив плаху, волокут невест, заставляя их сбрасывать туфли и показывать ножки. Женихи заканчиваются раньше, никто не встаёт рядом с великанами. Невесты, смеясь и конфузясь, одна за другой перескакивают плаху под перекладной виселицы, не задевая её.

«Ну, видно, не судьба нынче» – только и успевает сказать второй великан, как чертовки приводят под виселицу высокую девицу в красно-розовом платье, которое она приподнимает до колен, показывая стройные ножки. Перешагнув плаху, она касается перекладки лбом.

«Стой, назад!» – кричит второй великан, хватая её за руку и подводит к первому: – «Вот братец, невеста твоя! А моя ещё растёт».

«Как звать, красавица?» – спрашивает Данте, оглядывая стройную фигуру невесты.

«Пиккарда» – отвечает та высоким певучим голосом.

Чертовки волокут к виселице ещё одну высокую девицу в тёмно-зелёном платье; та отчаянно упирается. Но, сопротивляться бесполезно, и она, приподняв край платья до щиколотки, перешагивает плаху, коснувшись перекладки лбом.

«Вот и твоя судьба!» – весело кричит первый великан; схватив её за руку, подводит ко второму: – «Как звать, красавица?»

«Нэлла» – отвечает та глубоким грудным голосом, покраснев так, что видно и сквозь маску. Джанни, сам залившийся краской, берёт её за руку.

«Палачи!» – кричит первый великан: – «Спускай на вершок!» и, взяв свою невесту за руку, направляется на середину залы; вторая пара следует за ними. Музыка гремит с новой силой, хоровод женихов и невест кружится сзади них пище и веселее прежнего. Подняв глаза, Данте вдруг наталкивается на испепеляющий взгляд Беатриче, которая, побледнев, смотрит на него; руки её дрожат.

Рай – Песня IV

Первое небо – Луна (продолжение).

Объяснение с Пиккардой и Беатриче. Беатриче объясняет Данте устройство Рая.

Меж двух равно манящих яств, свободный
В их выборе к зубам бы не поднес
Ни одного и умер бы голодный; 3

Так агнец медлил бы меж двух угроз
Прожорливых волков, равно страшимый;
Так медлил бы меж двух оленей пес. 6

И то, что я молчал, равно томимый
Сомненьями, счесть ни добром, ни злом
Нельзя, раз это путь необходимый. 9

Так я молчал; но на лице моем
Желанье, как и сам вопрос, сквозило
Жарчей, чем сказанное языком. 12

Увидев испепеляющий взгляд Беатриче, Данте терзается сомнениями, уподобляясь Буриданову ослу из басни Эзопа,

который, свободный в выборе своём, умирает от голода меж двух копен сена. Поэт передаёт терзающую его бурю сомнений ещё двумя аналогичными сюжетами, что говорит о множестве мыслей, проносящихся у него в голове. И ягнёнок, оказавшись меж двух прожорливых волков, медлит, не зная, в какую сторону ему бежать, и пёс, погнавшись за двумя оленями, которые разбегаются в разные стороны, замирает на месте, не зная, за каким из них ему гнаться.

Подобно Буриданову ослу, он оказывается между двумя своими любимыми женщинами – Пиккардой и Беатриче и не может решить, с кем из них ему продолжить разговор. Но, желание разобраться с увиденным, написано у него на лице понятнее, чем сказанное языком.

Русская пословица: – «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь».

Но Беатриче, вроде Даниила,
Кем был смирен Навуходносор,
Когда его свирепость ослепила, 15

По библейской легенде, Вавилонские мудрецы не могут истолковать царю Навуходносору позабытый им сон, и он велит их казнить, но гнев его проходит, когда пророк Даниил напоминает ему сон и объясняет его значение. Так и Беатриче, сменив гнев на милость, угадывает сомнения поэта и разрешает их.

Это – сон Навуходоносора об истукане с золотой головой, серебряными шеей и руками, медной грудью, железным брюхом и глиняными ногами, – детская загадка о Златоглавом Православном храме.

Сказала: «Вижу, что возник раздор
В твоих желаньях, и, теснясь в неволе,
Раздумья тщетно рвутся на простор. 18

Ты мыслишь: «Раз я стоек в доброй воле
То как насилье нанесет урон
Моей заслуге хоть в малейшей доле?» 21

Еще и тем сомненьем ты смущен
Не взносятся ли души в самом деле
Обратно к звездам, как учил Платон. 24

По-равному твое стесняют velle
Вопросы эти; обращаясь к ним,
Сперва коснись того, чей яд тяжеле. 27

Беатриче отвечает на немой вопрос поэта: – «Почему, если человек стоек в доброй воле, как Пиккарда, насилье наносит ему урон, располагая на низших ступенях Рая?» И второй вопрос: – «Неужели праведные души не возносятся к звёздам, как учит Платон, а остаются на планетах, например, на Луне?»

Согласно учению Платона, души до своего воплощения,

обитают на планетах и звездах, куда и возвращаются после смерти человека. «Velle» – схоластический латинский термин, означающий «воля».

Этим мнение Платона отличается от мнения Вергилия, который, посетив в лице царя Энея, Лимб и Элизиум, обнаруживает там ещё не воплотившиеся души будущих властителей Рима; их показывает ему тень его отца – Анхиза, предрекая Энею великое будущее его потомков и основанного ими Рима.

Всех глубже вбожественный серафим
И Моисей и Самуил пророки
Иль Иоанн, – он может быть любим, – 30

Мария – твердью все равновысоки
Тем духам, что тебе являлись тут,
И бытия их не иные сроки; 33

Все красят первый круг и там живут
В неравной неге, ибо в разной мере
Предвечных уст они дыханье пьют. 36

Всех глубже (дальше всех от Земли), выше Сферы Звёзд, вбожественный – всех более погруженный в созерцание Божества, Серафим. С ним вместе обитают ветхозаветные и новозаветные праведники, такие, как пророки Моисей и Самуил, или Иоанн, который может быть любим: –

«Как Иоанн Креститель, так и евангелист Иоанн», возможно, и многие другие Иоанны, которыми полны «Жития Святых». С ними вместе, в той же тверди, обитает и Богородица. И все они пребывают в том же небе, что и души, являвшиеся поэту на Луне. И бытия их не иные сроки – все души, обретшие Небесный Рай, одинаково вечны.

Нельзя считать неудовлетворенными души, обиталищем которых служит Луна. Свет вечного Эмпирея, струясь, пронизывает все небесные сферы, создавая в каждом из них свои отражения. И все они красят собой и первый круг – Луну, живут в ней, разделяя с обитающими в ней душами, хотя неравную негу; ни один из обитателей Луны не обделён дыханием предвечных уст Создателя.

И здесь они предстали не как в сфере
Для них назначенной, а чтоб явить
Разностепенность высшей на примере. 39

Так с вашей мыслью должно говорить
Лишь в осязуемом черплющей познать,
Чтоб разуму затем его вручить. 42

К природе вашей снисходя, Писанье
О божией деснице говорит
И о стопах, вводя иносказанье; 45

Праведники обитают в самом верхнем круге – Эмпирее,

а здесь, на Луне, они предстают отраженными, как в зеркале, а не как в Сфере, чтобы явить пример высшей разностепенности для души, чья обитель – Луна. Так говорят с твоей мыслью, черпающей познание лишь в осязтимом, чтобы вручить его разуму. Снисходящее к человеческой природе Писание, говорит о Божьей деснице и Божьих стопах, вводя иносказание.

И Гавриила в человечесий вид
И Михаила церковь облакает,
Как и того, кем исцелен Товит. 48

То, что Тимей о душах утверждает
Несходно с тем, что здесь дано узнать,
Затем что он как будто впрямь считает, 51

Что всякая душа взойдет опять
К своей звезде, с которой связь порвала,
Ниспосланная тело оживлять. 54

Но может быть – здесь мысль походит мало
На то, что выразил словесный звук;
Тогда над ней смеяться не пристало. 57

Так, возвращая светам этих дуг
Честь и позор влияний, может статья,
Он в долю правды направлял бы лук. 60

Поняв его превратно, заблуждаться
Пошел почти весь мир, и так тогда
Юпитер, Марс, Меркурий стали зваться. 63

Человеческая мысль грешит антропоморфизмом – стремлением придать всему человекоподобный вид. Так, в виде людей в Святой Церкви изображаются архангелы – Гавриил и Михаил, никогда не бывшие людьми. Так же изображается и тот, кем исцелен Товит – архангел Рафаил, который, по библейской легенде, снимает у него бельма с глаз.

Тимей – один из диалогов Платона, где идет речь о возвращении души к звездам. Беатриче говорит: – если Платон имеет в виду влияние звезд на человеческие души и видит в нём причину достойных и позорных поступков, то он отчасти прав. Хотя, поняв Платона превратно, люди начинают давать планетам имена богов, на них обитающих, таких, как Олимпийские бог Юпитер, Марс, Меркурий и другие.

Любопытно, что сама Беатриче называет заблуждением превратно понятые слова Тимея из диалога Платона. Можно понять: – история происхождения названий планет и созвездий ей известна лучше, чем кому бы то ни было. Возможно ли это?

Обратившись к предыдущим сопоставлениям Данте, видим: – Беатриче прекрасно известно, о чём идёт речь. Со-

гласно мифологической традиции, названия планет и названия созвездий, без всяких колебаний приписываются лично Верховному Олимпийскому богу Зевсу-Громовержцу (Юпитеру) и его детям, главным образом, отцу Муз – Аполлону. В самом деле:

Планета Юпитер – непосредственно сам Зевс – Громовержец;

Планета Сатурн – отец Зевса – Крон;

Планета Земля – бабушка Зевса – Гея, родившая Урана и с ним начавшая родословную всех остальных богов – первородительница богов;

Планета Меркурий – сын Зевса и Геры – Гермес;

Планета Венера – дочь Зевса и Геры, либо Зевса и Дионы – Афродита;

Планета Марс – сын Зевса и Геры – Арес;

Планета Луна – дочь Зевса и Геры, либо Зевса и Лето (Латоны) – Артемида или Диона;

Солнце, считающееся планетой – сын Зевса и Геры, либо Зевса и Леты (Латоны) – Аполлон или Феб.

Даже открывая новые планеты в наше время, астрономы строго следуют этой традиции. Напомним:

Планета Уран (Небо) – дед Зевса, первородитель богов, вместе со своей матерью Геей (Землёй);

Планета Нептун – брат Зевса – Посейдон – Колебатель Морей;

Планета Плутон – брат Зевса – Аид – властелин Под-

земного Мира.

Если обратиться к названиям созвездий, показанных на иллюстрированной Звёздной Карте Дюрера, то происхождение всех их, без исключения, приписывается также лично Зевсу, либо его детям. Можно ознакомиться с историей происхождения названий созвездий, заглянув в тексты мифов Древней Греции.

Резюмируя всё вышесказанное, делаем вывод: – до времени земной жизни бога Зевса всех этих названий не существует. Возможно, следы названий объектов звёздного неба до Зевса сохраняются в нашем языке в виде Солнце, Луна, Колесница, Лось и т. п. Совершенно ясно одно – все эти названия появляются одновременно, какой-то один человек присваивает им эти названия и образы. Сколь велик этот человек, говорит сам факт: – эти названия переживут века и звучат в наше время!

Это может быть либо сам Зевс, либо кто-то из его детей, может быть Аполлон, отец и покровитель Муз, среди которых есть и Урания – муза Астрономии.

С точки зрения Верховного Олимпийского бога Зевса (Юпитера) история его рода, да и всего человечества не простирается в прошлое дальше его деда – Урана (Небо) и его бабушки и прабабушки одновременно – Геи (Земли), родившей Урана без мужа (первое известное нам непорочное зачатие), за-

тем, со своим сыном Ураном, родившей второе поколение Богов, среди которых Крон (Сатурн) – отец Зевса.

Эти мифологические истории Беатриче называет заблуждениями. Определение времени жизни Олимпийских богов – тема другой книги. Попробуем вспомнить, как зовут наших прадедов и чем они занимаются в жизни. До какого поколения мы сможем дойти?

В другом твоём сомнении вреда
Гораздо меньше; с ним пребудешь здоровым
И не собьёшься с моего следа. 66

Что наше правосудие неправым
Казаться может взору смертных, в том
Путь к вере, а не к ересям лукавым. 69

Но так как человеческим умом
Глубины этой правды постижимы,
Твое желанье утолю во всем. 72

Раз только там насилье, где теснимый
Насильнику не помогал ничуть,
То эти души им не извинимы; 75

Затем что волю силой не задуть
Она, как пламя, борется упорно,
Хотя б его сто раз насильно гнуть. 78

А если в чем-либо она покорна
То вторит силе; так и эти вот,
Хоть в божий дом могли уйти повторно. 81

Другой вопрос поэта: – «Есть ли грех на Пиккарде, если из монашенок, давших обет девственности – невест Христовых, она, против своей воли, насилием Имеющего Власть, становится женой земного человека?» Беатриче утвердительно отвечает на этот вопрос, говоря: – насилие можно признать только в том случае, если теснимый ничуть не помогает насильнику. Грех Пиккарды в том, что, насильно выданная замуж, она покоряется своему состоянию, а не уходит повторно в монастырь.

Будь воля их тот целостный оплот
Когда Лаврентий не встает с решетки
Или суровый Муций руку жжет, – 84

Освободясь, они тот путь короткий
Где их влекли, прошли бы сами вспять;
Но те примеры – редкие находки. 87

Она приводит два примера из Истории, когда насилуемые не потворствуют насильнику:

Лаврентий – римский диакон (III век н.э., якобы), со-

ожженный на железной решетке, но не отрекшийся от Христа.

Муций Сцевола – римский юноша (VI век до н.э., якобы), сжегший свою правую руку, когда ему не удаётся убить этрусского царя Порсенну, осадившего Рим.

Сжигаемый на решётке, святой Лаврентий не отрекается от Христа ни на одно мгновение, а Муций Сцевола добровольно сжигает свою руку на огне, чтобы подтвердить неизменность своих намерений убить Порсенну. Так и другие святые, лишь освободясь от насильников, волокущих их по ложному пути, проходят этот путь вспять, возвращаясь на путь истинный, становясь святыми мучениками, описанными в Житиях Святых.

Так, если точно речь мою понять
Исчез вопрос, который, возникая,
Тебе и дальше мог бы докучать. 90

Но вот теснина предстает другая
И здесь тебе вовеки одному
Не выбраться; падешь, изнемогая. 93

Как я внушала, твоему уму
Слова святого никогда не лживы:
От Первой Правды не уйти ему. 96

Слова Пиккарды, стало быть, правдивы
Что дух Костанцы жаждал покрывал,
Моим же как бы противоречивы. 99

Но так как слова святого никогда не лживы, то Первой Правдой служат и слова святой Пиккарды о том, что дух Костанцы жаждет покрывал.

Понять это схоластическое утверждение крайне сложно. С одной стороны, Богородица, не познавшая мужа, оставшаяся Непорочной Девой, как бы не должна жаждать покрывал, положенных замужней женщине. С другой стороны, дух Богородицы, зная её высокое предназначение – родить миру Спасителя, конечно же, жаждет покрывал «Жены высокой жизни и деяний» и покрывал материнства.

Покрывало Богородицы нам прекрасно известно по преданию о Покрове Пресвятой Богородицы.

Это – то самое покрывало, которым покрывают голову замужние женщины – повойник. Название этого головного убора происходит от слова «повивать» – пеленать младенца, сравни – повивальная бабка или повитуха. Замужняя женщина тех времён живёт постоянно в состоянии беременности и ожидания родов и этот, столь нужный ей в этом случае предмет всегда должен быть под рукой. Где же ему храниться, как не в самом высоком и чистом месте – на голове.

Любая из окружающих женщин того времени может родить в любое время и любая другая тут же может предложить ей свой повойник, чтобы спеленать младенца.

Ты знаешь, брат, сколь часто мир видал
Что человек, пред чем-нибудь робея,
Свершает то, чего бы не желал; 102

Так Алкмеон, послушаться не смея
Родителя, родную мать убил
И превратился, зла страшась, в злодея. 105

Здесь, как ты сам, надеюсь, рассудил
Насилье слито с волей, и такого
Не извинить, кто этим прегрешил. 108

«Король, брат мой». Беатриче применяет эту формулу в разговоре с поэтом, подчёркивая равенство их между собой.

Согласно фиванскому циклу мифологии, сын царя Фив – Эдипа и его матери – Иокасты, Полиник, ища себе союзников, чтобы отвоевать Фивы у своего брата Этеокла, дарит тщеславной Эрифиле – жене аргосского царя Амфиарая, ожерелье Гармонии, приносящее несчастье всем его обладательницам, и та указывает ему, где прячется ее муж, который скрывается, зная, что лишится жизни, если отпра-

вится в этот поход. Когда Амфиарай погибает под Фивами, его сын Алкмеон, выполняя мщение, завещанное отцом, убивает свою мать. Так, выполняя волю отца, он становится злодеем – убийцей матери. Здесь насилье слито с волей – насилью способствует уступчивая воля исполнителя, а этого уже извинить невозможно.

Прогневаются богини-мстительницы Эриннии на Алкмеона и будут преследовать его всюду, где только не старается он скрыться. (Фиванский цикл. Алкмеон).

По сути, воля не желает злого
Но с ним мирится, ибо ей страшней
Стать жертвою чего-либо иного. 111

Пиккарда мыслит в повести своей
О чистой воле, той, что вне упрека;
Я – о другой; мы обе правы с ней». 114

Воля может не желать злого, но мирится с ним, боясь стать жертвой. Поэтому, когда Пиккарда говорит о чистой воле, она права, а когда Беатриче говорит о воле, идущей против насилия, она права также.

Таков был плеск священного потока
Который от верховий правды шел;
Он обе жажды утолил глубоко. 117

«Небесная, – тогда я речь повел, —

Любимая Вселюбящего, светит,
Живит теплом и влагой ваш глагол. 120

Таких глубин мой дух в себе не встретит
Чтоб дар за дар воздать решился он;
Пусть тот, кто зрящ и властен, вам ответит. 123

Речи любимой, идущие от самых верховий правды, утоляют жажду познания поэта о жизни и о религии. Он воздаёт хвалу Богородице, которая живит теплом и светом речь Бетриче. Он признаётся: – таких глубин духа не имеет в себе, чтобы воздать даром за дар и говорит: – ей ответит только сам Господь, который зрящ и властен.

Я вижу, что вовек не утолен
Наш разум, если Правдой непреложной,
Вне коей правды нет, не озарен. 126

В ней он покоится, как зверь берложный
Едва дойдя; и он всегда дойдет, —
Иначе все стремления ничтожны. 129

От них у корня истины встает
Росток сомненья; так природа властно
С холма на холм ведет нас до высот. 132

Вот что дает мне смелость, манит страстно
Вас, госпожа, почтительно спросить

О том, что для меня еще неясно. 135

Я знать хочу, возможно ль возместить
Разрыв обета новыми делами
И груз их на весы к вам положить». 138

Она такими дивными глазами
Огонь любви метнула на меня,
Что веки у меня поникли сами,
И я себя утратил, взор склоня. 142

Чтобы разрешить все свои сомнения, он спрашивает у Беатриче: – «Можно ли возместить разрыв обета новыми делами?» и получает в ответ такой, полный любви, дивный взгляд, что виновато поникает глазами перед любимой.

Да, несомненно, это великое произведение поэта, полное любви, посвящено императрице Российской – Елизавете Петровне Романовой. Покинутая любимым, которому она даёт обет верности, своим племянником – Петром II Алексеевичем Романовым, она, хотя и понимает, что этот разрыв насильно произведен над ними, тем не менее, даёт и исполняет обет верности своему любимому. Залогом этому бессмертная Комедия. И не верьте никаким борзописцам, описывающим якобы имевшиеся любовные интрижки Елизаветы с фаворитами, например, Алексеем Разумовским. Ничего этого нет и быть не может. Все эти вымыслы пусть лягут тяжким грехом на души лжецов, типа Алексея Толстого

и других, посмевающих своим грязным пером осквернить святую. Покров её незапятнанно чист, о чём свидетельствует её единственный возлюбленный, переживший её на долгие годы, гениальный поэт!

Практически Данте – Пётр II, всё время правления Елизаветы Петровны с 1743 по 1761 годы, находится в России, в Санкт-Петербурге, рядом с ней. Ей он преподносит в 1757 году роскошное издание Комедии на итальянском языке, снабдив его собственноручной дарственной надписью:

*«Избегая ненависти жестокого города,
ежечасно готовый к ударам судьбы,
этрусский поэт смиренно идет к Вам,
о царственная донна, чтобы снискать милости.
Долго по нехоженным путям
он бродил по горячим пескам Стикса,
но ему не был закрыт и Вечного Добра
путь в небесах по благословенным тропам.
После долгого пути, наконец, ища
отдыха своим горестным и несчастным дням,
возлагает свою суровую лиру к Вашему Трону.
Пусть будет так, что, желая
вернуться к своему мэтру, он услышит
на другом языке звук Ваших похвал».*

Жаль, что сегодня нельзя увидеть этого издания, чтобы сравнить его полноту с тем, которое находится перед нами.

Нельзя также увидеть и издания 1764 года на немецком языке, преподнесенного поэтом в дар императрице Екатерине II. По свидетельству одного из последних исследователей творчества Данте, советского филолога Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова (1904—1969 годы), оба эти издания отправлены из России в «ссылку», в Париж, и проданы на аукционе. Как интересно выяснить из первоисточника 1757 или 1764 года, какие строки в нём ещё не написаны!

Восстановление истинного смысла Комедии и личности Данте, можно сделать, и не располагая в качестве доказательств изданиями разных лет. Достаточно одного только бессмертного текста великой Комедии. Но, воистину, будет приятно, если изыскать возможность взглянуть на эти «древние» издания и подтвердить, либо опровергнуть какие-либо из сопоставлений.

Добавим соображение по поводу издания Комедии 1764 года на немецком языке. Пётр II (Данте), владеющий немецким языком, как своим первым родным, староитальянским, как вторым родным, сам перекладывает Комедию на немецкий язык, посвятив это издание Российской императрице Екатерине II Великой – немке по происхождению и по языку. Досконально изучив за долгие годы своей жизни русский язык, написав на нём много прекрасных стихотворений, он не решается сам переложить Комедию на него по неясным пока причинам (а, может быть, и перекладывает, но перевод недоступен).

Рай – Песня V
Первое небо – Луна (окончание). –
Второе небо – Меркурий. –
Честолюбивые деятели. Путешествие
вглубь космоса продолжается.

«Когда мой облик пред тобою блещет
И свет любви не по-земному льет,
Так, что твой взор, не выдержав, трепещет, 3

Не удивляйся; это лишь растет
Могущественность зренья и, вскрывая,
Во вскрытом благе движется вперед. 6

Уже я вижу ясно, как, сияя
В уме твоём зажегся вечный свет,
Который любят, на него смотря. 9

И если вас влечет другой предмет
То он всего лишь – воспрятий ложно
Того же света отраженный след. 12

Ты хочешь знать, чем равноценным можно
Обещанные заменить дела,

Поэт вкладывает в уста любимой песнь торжествующей любви. Блещет и льёт свет любви её облик не по-земному, так, что его взор не выдерживает. В уме зажигается вечный свет, глядя на который его любят. Любой другой предмет любви – ложное восприятие отраженного вечного света. Так она отвечает на его вопрос: – «Можно ли другими делами заменить прерванный обет?» Точнее: – «можно ли ему, Данте, получить прощение Беатриче и вернуть обратно любовь, нарушив все обеты?»

Могущество зрeния, вооруженного телескопом, растёт и позволяет достичь вечных объектов, расположенных выше Луны.

Так Беатриче в эту песнь вошла
И продолжала слова ход священный,
Чтоб речь ее непрерывной текла: 18

Она, начав отвечать на сформулированный ею самой безмолвный вопрос поэта, продолжает речь свою, не прерывая. Видно, что в сердце и душе её много невысказанного.

«Превысший дар создателя вселенной
Его щедроте больше всех сродни
И для него же самый драгоценный, – 21

Свобода воли, коей исконно́
Разумные создания причастны,
Без исключенья все и лишь они. 24

Отсюда ты получишь вывод ясный
Что значит дать обет, – конечно, там,
Где Бог согласен, если мы согласны. 27

Бог обязаться дозволяет нам
И этот клад, такой, как я сказала,
Себя ему приносит в жертву сам. 30

Где ценность, что его бы заменяла?
А в отданном ты больше не волён,
И жертвовать чужое – не пристало. 33

Ты в основном отныне утверждён
Но так как церковь знает разрешенья,
С чем как бы спорит сказанный закон, 36

Не покидай стола без замедленья
Кусок, который съел ты, был тугим
И требует подмоги для сваренья. 39

Не забываем, что влюбленные находятся на Луне. Её длинная речь, уместная под Луной, где всё тленно, потоком примеров объясняет разницу между свободной волей, договором и обетом, жертвующим и жертвой. Свобода воли даёт-

ся Богом и почитается превысшим даром Создателя, поэтому, когда мы даём обет, мы даём его перед Господом и жертвуем Ему свою свободу воли. Пожертвовав её, мы в ней больше не вольны, так что заменить нам её нечем.

Это – основное утверждение, но Церковь знает разрешения этого закона, хотя сам закон с этим спорит. Прежде чем дать обет Господу, надо подумать, прежде чем нарушить данный тобою обет – подумать вдвое, чтобы не подавиться съеденным куском.

Открой же разум свой словам моим
И в нем замкни их; исчезает вскоре
То, что, услышав, мы не затвердим. 42

Две стороны мы видим при разборе
Подобных жертв: одну мы видим в том,
Чем жертвуют; другую – в договоре. 45

Последний обязателен во всём
Пока не выполнен, как изъяснялось
Уже и выше точным языком. 48

Открой свой разум и крепко запомни мои слова, говорит она – что не затвердишь, вскоре забываешь. Обет равнозначен договору, в котором есть две стороны: – одна – жертва, другая – договор, обязательный к исполнению. В договоре указаны точные условия и пределы исполнения.

Вот почему евреям полагалось, —
Ты помнишь, – жертвовать из своего,
Хоть жертва иногда и заменялась. 51

Зато второе, то есть существо
Бывает и таким, что есть пределы,
В которых можно изменить его. 54

Но бремя плеч своих и самый смелый
Менять не смеет и обязан нести,
Пока недвижны желтый ключ и белый. 57

По обету Господу, евреям полагается жертвовать исключительно из своего, например, когда Исаак приносит в жертву своего сына. Господь, видя, что обет Исааком соблюден, заменяет его сына на барашка.

Существо договора бывает и таким, что в нём заложены пределы его изменения. То, что давший обет, возлагает себе на плечи, он обязан нести, пока недвижны желтый ключ и белый – до самой смерти, пока не предстанешь перед Апостолом Петром – ключарем врат Рая.

Белый и желтый, серебряный и золотой ключи – символ папской власти, которые папа получает при коронавании тиарой – два ключа от Рая, их Святой апостол Пётр полу-

чил от Господа – Бога-Сына Иисуса Христа. Договор необходимо исполнять до того, как предстанешь перед Господом, до тех пор, когда перед тобой апостол Пётр, достав два ключа, отомкнёт ворота Рая.

Вспомним сакраментальную фразу, произносимую при заключении брачного союза: – «Пока смерть не разлучит нас».

Да и обмен нелепым надо счесть
Когда предмет, имевшийся доселе,
Не входит в новый, как четыре в шесть. 60

А если ценность – всех других тяжеле
И всякой чаши книзу тянет край,
Ее ничем не возместить на деле. 63

Новый обет никогда не заменит старый, так как часть обета уже утрачена, чаша грехов перевешивает чашу добрых дел, и новый обет не равен старому, как четыре не равны шести.

Своим обетом, смертный, не играй!
Будь стоек, но не обещайся слепо,
Как первый дар принесший Иеффай; 66

Он не сказал: «Я поступил нелепо!»,
А согрешил, свершая. В тот же ряд

Вождь греков стал, безумный столь свирепо, 69

Что вместе с Ифигенией скорбят
Глупец и мудрый, все, кому случится
Услышать про чудовищный обряд. 72

По библейской легенде, Иеффай, судья израильский, обещает Богу: – «Если Тот пошлет ему победу над аммонитянами, принести в жертву первое, что выйдет из ворот его дома, навстречу ему». Навстречу Иеффая первой выходит его единственная дочь, которую он и предаёт смерти по обету.

Точно так же, вождь греков Агамемнон, приносит в жертву свою дочь Ифигению, чтобы получить от богов попутный ветер для похода против Трои. Такие чудовищные обеты и обряды, кроме скорби, не вызывают никаких других чувств ни у мудреца, ни у глупца.

Интересно созвучие имён дочерей, принесенных в жертву: – Ифигения – Иеффаем рождённая, но это тема другой книги.

О христиане, полно торопиться
Лететь, как перья, всем ветрам вослед!
Не думайте любой водой омыться! 75

У вас есть Ветхий, Новый есть завет

И пастырь церкви вас всегда наставит;
Вот путь спасенья, и другого нет. 78

Христиане могут разобраться в вопросах обета, для этого им дан Ветхий и Новый Заветы, переполненные поучительными примерами. Да и пастырь Церкви всегда посоветует, как поступить в данном случае – вот истинный путь спасения, и другого нет.

А если вами злая алчность правит
Так вы же люди, а не скот тупой,
И вас меж вас еврей да не бесславит! 81

Не будьте, как ягненок молодой
Который, бросив мать, беды не чуя,
По простоте играет сам с собой!» 84

А если вами злая алчность правит, как жажда победы управляет Иеффаем и Агамемноном, то не обижайтесь на то, что вас бесславят евреи (l Giudeo – Иудей). Не уподобляйтесь тупому скоту и не будьте, как молодой ягненок, бросивший матку, не стерегомый пастухами. Конец у него один – на зубах волков.

Приводим статью о поэте, которого Данте упоминает здесь. Это – его 100% современник и ровесник, которого также следует переместить в XVIII век. Может быть, это –

одно из его отражений, сравните фамилии: Романов – Римский!

Иммануэль Римский (1265—1330 годы, якобы (строго по годам жизни Данте!)) — явление уникальное не только в еврейской, но и в мировой литературе: мало писателей, столь органично сочетавших в своем творчестве Запад и Восток. Когда говорят о межкультурных связях в позднем Средневековье, всегда упоминают его имя, и не напрасно: будучи плотью от плоти Израиля, Иммануэль является в то же время совершенно современным и светским человеком, для которого гуманистическая культура проторенессанса – естественная среда обитания. Творчество Иммануэля уходит корнями и в почву мавританской Испании, и в почву итальянскую, а выращивает он на этой почве розу саронскую – еврейскую поэзию.

Иммануэль получает как традиционно еврейское, так и европейское образование, владеет, кроме иврита и итальянского, арабским и латынью, возможно, знает и греческий язык.

Макамы Иммануэля отличает александрийское изящество и тематическая широта. Еще одна отличительная особенность: – многие из стихов в Махбарот – сонеты. Сонет – форма итальянская, изобретает ее сицилийский поэт Якопо да Лентини в первой половине XIII века, якобы, и сонет сразу становится популярнейшей

формой. Во времена Иммануэля сонеты пишут такие поэты «сладостного нового стиля», как Гвидо Гвинци-нелли, Гвидо Кавальканти, Чино да Пистойя и, конечно, великий Данте Алигьери. Иммануэль Римский первым вводит сонет в еврейскую поэзию и вообще станет первым, кто начинает писать сонеты не на итальянском языке; поэтому иврит, благодаря Иммануэлю Римскому, становится вторым языком, на котором существует сонет. Многие сонеты Иммануэля Римского написаны в «сладостном новом стиле», другие же довольно фривольны по содержанию.

Среди тем Махбарот – и красноречие, и эротика, и жалобы на злой рок, и бытовые истории о неверных женах или врачах-обманищиках, моралистические рассуждения и притчи о смерти, рассказы о мудрецах и глупцах, о чесноке и о поэзии, о ремеслах – чего там только нет! Многие сюжеты Махбарот заимствованы из фольклора или из сочинений других писателей. Так, например, сюжет стихотворения о рае и аде из шестнадцатой макамы заимствован из французской повести «Окассен и Николетта», а макама «Ад и Рай» написана, разумеется, по мотивам «Комедии» Данте.

Перу Иммануэля Римского принадлежат также четыре сонета и одна поэма на итальянском языке, которые входят в сравнительно небольшой корпус поэзии раннего итальянского Возрождения, дошедшей до наше-

го времени. Любопытно, что вообще довольно циничный, Иммануэль особенно циничен в итальянских стихах, в них «сладостный новый стиль» сочетается с грубоватостью замечательного поэта Чекко Анджольери, противника Данте и «сладостного нового стиля», о желчности и скверном характере которого рассказывает Боккаччо в «Декамероне».

Так, сонет Иммануэля Римского «Амор Аве-Марию не творит», как будто пародирует строку из «Божественной комедии» (Рай, XXXII):

*И дух любви, низведший этот хор,
Воспев: «Ave Maria, gratia plena»,
Свои крыла над нею распростер.
(Пер. М. Л. Лозинского)*

Иммануэль считает Данте величайшим из христианских поэтов – он напишет на его смерть один из своих итальянских сонетов. Именно поэтому Иммануэль вслед за Данте отправляется в Ад и Рай в своей двадцать восьмой – впрочем, наиболее слабой макаме. Существует также предположение, будто Иммануэль Римский упомянут в «Божественной комедии»:

*А если вами злая алчность правит,
Так вы же люди, а не скот тупой,
И вас меж вас еврей да не бесславит! (Рай. V. 79:81).*

Так Беатриче мне, как здесь пишу я;
Потом туда, где мир всего живей,
Вновь обратила взоры, вся взыскуя. 87

Ее безмолвье, чудный блеск очей
Лишили слов мой жадный ум, где зрели
Опять вопросы к госпоже моей. 90

И как стрела спешит коснуться цели
Скорее, чем затихнет тетива,
Так ко второму царству мы летели. 93

Дивный свет очей любимой дарит поэту ответы быстрее, чем он задаёт вопросы. Он очень точно сравнивает это со стрельбой из огнестрельного оружия, когда пуля долетает раньше, чем доносится звук выстрела; никогда не слышит убитый на войне выстрела, который обрывает жизнь его. В таком состоянии они летят ко второй цели – планете Меркурий. Направление движения определено точно: – где мир всего живей – в сторону Солнца. Второе царство – небо Меркурия, где поэту предстанут души честолюбивых деятелей добра.

Пробуем понять, почему вторым небом поставлен Меркурий, а не Солнце?

Птолемей не включает, в созданную им Геоцентрическую

систему ни Меркурия, ни Венеры, так как они не вращаются вокруг Земли, подобно Юпитеру, Марсу и Сатурну, а совершают непонятные движения по небу, то приближаясь к Солнцу, то удаляясь от него. На второе место после Луны Птолемей закономерно ставит Солнце.

Если бы не наблюдаемые людьми часто и повсеместно затмения Солнца Луной, показывающие напрямую, что Луна располагается к нам ближе Солнца, логично поставить именно Солнце на первый круг, вместо Луны. Меркурий же и Венера ничем для невооруженного глаза не отличаются от других планет и звёзд, что не даёт им ни малейшего права вставать на Сферу, ближе Сферы Солнца. И если сравнивать их между собой, то яркая Венера имеет больше прав на следующую за Луной Сферу Геоцентрической системы, чем еле заметный глазу Меркурий.

О том, что Меркурий или Венера, как планеты могут находиться к Земле ближе Солнца, и также затмевают его свет, станет окончательно ясно только в XVIII веке. Великий Михаил Ломоносов, при наблюдении прохождения Венеры по диску Солнца в 1761 году, открывает атмосферу на ней, а целая бригада учёных, вооруженных телескопами, в 1769 году наблюдает это явление у берегов Таити, в составе специально организованной экспедиции на корабле «Индевор».

Его Величества Корабль «Индевор» (Усилие) – пер-

вый корабль, которым командует британский исследователь, картограф и первооткрыватель XVIII столетия капитан Джеймс Кук (1728—1779 годы). Этот корабль Кук использует в своей первой экспедиции.

Индевор – первое судно, с которого смогут точно измерить долготу места (благодаря изобретенному в 1741 году хронометру).

Пока хронометра в арсенале моряков нет, определить долготу места, где они находятся, они не могут. По этой причине Христофор Колумб, приплыв в Америку, считает её **Индией**, совершив ошибку в долготе в 180^0 (половина окружности Земли!) Этой ошибке обязано именование коренных обитателей Американского континента **индейцами**.

Эти строки пишутся 5 июня 2012 года, перед тем, как в ночь на 6 июня 2012 года учёный и любительский мир готовится наблюдать очередное прохождение Венеры по диску Солнца, перед более чем столетним перерывом этого процесса; эта планета дважды подряд, с разрывом в восемь лет проходит по диску Солнца, с периодом повторения 124 года.

Если располагать какую-то планету на втором небе, для этой цели, скорее всего надо выбрать Венеру, которая, к тому же, огибая Солнце со стороны Земли, приближается к ней гораздо ближе, чем Меркурий. Соображение о том, что расстояния до планет и звёзд в те времена не измерены, тем более не приводит к постановке Меркурия на второе небо после Луны. Думается, ответ на этот вопрос столь же прост,

сколь и неожиданен.

В логике Гелиоцентрической системы, Меркурий является первым небом, находясь ближе всего к Солнцу, в то время как Венера – вторым небом, Земля – третьим небом (Луна не может претендовать на «небо», являясь спутником Земли).

Скорее всего, учёные, создававшие модель Мироздания, правильно определяют именно Солнце в центр Гелиоцентрической системы, вслед за которым совершенно справедливо поставлен Меркурий. Луна также поставлена на своё место спутника Земли. Следует отметить, что Луна, наряду с Солнцем, отличается от других планет радикально тем, что не имеет «попятного движения» в проекции на Сферу звёзд для наблюдателя с Земли.

Однако, под давлением Церкви, которая монополизирует сферу образования в те века и имеет аппарат инквизиции, учёные вынуждены на бумаге изобразить Геоцентрическую систему, как наглядное пособие для обучения. Поколебать авторитет Церкви в те века никто не смеет. Вспомним сожженного на костре Джордано Бруно, утверждавшего, что Земля вертится, и Галилео Галилея, представших перед судом инквизиции за высказывание аналогичного утверждения.

Лёгким изменением Гелиоцентрической системы, всего лишь переставив Землю, с обращающейся во-

круг неё Луной, в центр Геоцентрической системы, сместив Солнце на место Земли, учёные получают такую полную курьёзов модель.

Существуют даже изображения Геоцентрической системы, где Юпитер изображен с четырьмя спутниками, открытыми Галилеем только в *1610 году*, якобы, что делает Геоцентрическую систему мироздания издевательски курьёзной. Уж не сам ли Галилей, после суда инквизиции, издевается таким образом над своими судьями? Однако в этой системе Меркурий действительно попадает на второе небо, после Луны.

Именно в 1743 году, 15 февраля сожжен на костре друг и учитель Данте – великий Джордано Бруно. В своих сочинениях он не показывает знакомства с трудами Галилея и наблюдениями в телескоп, что удивительно для учёного, объездившего много стран и долгое время жившего в Англии. Думаю, что время открытий Галилея ещё впереди. Расставляя эти события в логике времени, получим, что Галилей изобретает телескоп и делает открытие спутников Юпитера после казни Джордано Бруно или незадолго до неё. Не исключена вероятность и того, что труды Джордано Бруно, где он пишет о Галилее, просто не доходят до нас.

Если сместить даты жизни Галилео Галилея на «сдвиг Данте», он совпадёт со знаменитым английским астрономом Эдмундом Галлеем (1656 – 1742 годы) не только по датам жизни, но и по фамилии (Галилей = Галлей). А псевдоним

Галилео переводится, как «Звёздный Лев». И всё встанет на свои места. Да и святая инквизиция не может достать учёного в Англии, где он находится под защитой короля и англиканской Церкви.

Такая радость в ней зажглась, едва
Тот светоч нас объял, что озарилась
Сама планета светом торжества. 96

И раз звезда, смеясь, преобразилась
То как же – я, чье естество всегда
Легко переменяющимся мнилось? 99

Долетев до Меркурия, путешественники погружаются в него, как и раньше в Луну, не вызвав возмущения состава планеты.

Меркурий (Гермес) совершенно верно назван легко переменяющимся естеством. Обычно он изображается в облике двуликого бога Януса. Это связано с тем, что Меркурий выглядывает из за Солнца то с одной, то с другой стороны, никогда не отдаляясь от него дальше, чем на один знак Зодиака.

Поэт сравнивает себя с Меркурием не случайно. Он сам, по своей природе, имеет скрытный, переменчивый характер. Современники сообщают: – никогда нельзя было узнать,

как император Пётр II поведёт себя в конкретной ситуации, и всегда дрожат от страха, не зная, какое он примет решение. Эта скрытность и переменчивость позволяет ему уцелеть в горниле событий своего времени и прожить долгую и насыщенную жизнь. И мы должны быть безмерно благодарны именно этим его свойствам, ведь он находит способ и возможность передать нам через века грандиозное послание о себе, своём времени и истории человечества, не сгоревшее в кострах инквизиции.

Как из глубин прозрачного пруда
К тому, что тонет, стая рыб стремится,
Когда им в этом чудится еда, 102

Так видел я – несчетность блесков мчится
Навстречу нам, и в каждом клич звучал:
«Вот кем любовь для нас обогатится!» 105

И чуть один к нам ближе подступал
То виделось, как все в нем ликовало,
По зареву, которым он сиял. 108

Суди, читатель: оборвись начало
На этом, как бы тягостно тебе
Дальнейшей повести недоставало; 111

И ты поймешь, как мне об их судьбе
Хотелось внять правдивые глаголы,

Путешественников обступает несчётный сонм душ, даже в Раю души скучают, не имея новостей с Земли, хотя и знают о её будущем, и радушно встречают каждого нового встречного. И сам поэт жаждет услышать что-то от знакомых ему людей, безвременно покинувших наш мир.

Он иронично замечает: – если он сейчас оборвёт начало этой повести, то читатель останется неудовлетворенным. Так и он сам страстно желает внять правдивые глаголы от душ, несущих ему свою любовь, и желающих обогатиться от его любви.

«Благорожденный, ты, кому престолы
Всевечной славы видеть предстоит,
Пока не кончен труд войны тяжёлый, – 117

Тот свет, который в небесах разлит
Пылает в нас; поэтому, желая
Про нас узнать, ты будешь вволю сыт». 120

Так молвила одна мне тень благая
А Беатриче: «Смело говори
И слушай с верой, как богам внимая!» 123

Одна из теней называет поэта благородным, кому предстоит увидеть престолы всевечной славы, предрекая ему

самый высший в иерархии Великий папский престол и престол посмертной славы. Души желают излить для него свет, пылающий в них, рассказать ему досыта всё, что он захочет. Беатриче призывает его смело и с верой говорить с этими душами, как с Богами.

«Я вижу, как гнездишься ты внутри
Своих лучей и как их льешь глазами,
Ликующими пламенной зари. 126

Но кто ты, дух достойный, и пред нами
Зачем предстал в той сфере, чье чело
От смертных скрыто чуждыми лучами?» 129

Так я сказал сиявшему светло
Тому, кто речь держал мне; и сиянье
Его еще лучистой облекло. 132

Как солнце, чье чрезмерное сверканье
Его же застит, если жар пробил
Смягчающих паров напластованье, 135

Так он, ликуя, от меня укрыл
Священный лик среди его же света.
И, замкнут в нем, со мной заговорил,
Как будет в следующей песни спето. 139

Но саму душу не даёт разглядеть сияние звезды – Мер-

курия. На просьбу поэта открыться, душа ещё плотнее одевается сиянием и начинает говорить с ним. Душа одевается чуждыми лучами – Меркурий не светит сам – свет ему даёт Солнце. В свете близкого Солнца Меркурий постоянно теряется сам, так что наблюдать его трудно. Свет Меркурия, неясный и сумрачный, не даёт поэту рассмотреть священную душу, которая говорит с ним, подобно тому, как, глядя на яркий свет Солнца, ничего нельзя увидеть в нём.

Рай – Песня VI

Второе небо – Меркурий (продолжение). Данте встречается с Юстинианом.

«С тех пор как взмыл, послушный Константину
Орел противу звезд, которым вслед
Он встарь парил за тем, кто взял Лавину, 3

Господня птица двести с лишним лет
На рубеже Европы пребывала,
Близ гор, с которых облетела свет; 6

И тень священных крыл распростирала
На мир, который был во власть ей дан,
И там, из длани в длань, к моей ниспала. 9

Был кесарь я, теперь – Юстиниан
Я, Первою Любовью вдохновлённый,
В законах всякий устранил изъян. 12

Я верил, в труд ещё не погружённый
Что естество в Христе одно, не два,
Такою верой удовлетворённый. 15

Душа, скрывшая своё лицо в огне переменчивого Меркурия, начинает читать лекцию об Орле императора Константина Великого – Двуглавом Орле, который был гербом Византии [Рис. А. IV.12].

Константин Великий (272 – 337 годы, якобы) переносит (в 330 году, якобы) столицу из Древнего Рима в Византию, образовав там второй Рим, после чего местность вокруг Константинополя начинает называться Ромеей, а жители – ромеями или римлянами. Древний же Рим в это время разваливается и пустеет.

Двуглавый Орёл – символ Римской империи, при этом совершает полет с запада на восток, против видимого движения звезд, тогда как встарь он летел вслед звездам, с востока на запад; после падения Трои, он сопровождает родоначальника Римлян – царя Энея, который, прибыв в Италию, берёт в жены Лавину, дочь латинского царя Латина. (Вергилий. Энеида).

Орёл Константина в точности соответствует Зевесову Орлу (Данте называет его не императорской, а **Господней птицей**), неотступно следующему за Зевсом-Громовержцем и служащему последнему оруженосцем, который подносит ему перуны (громы и молнии).

Царь Эней и император Константин Великий разделены во времени на огромное расстояние в 1500 лет.

После этого Двуглавый Орел (птица Дия – Зевса) две-

сти с лишним лет пребывает на рубеже Европы, на берегу Босфора, близ гор Троады, с которых он впервые взлетает с Энеем, в Константинополе, построенном императором Константином Великим, и здесь, в Константинополе, переходя от одного Византийского императора к другому, достаётся Юстиниану Великому.

Юстиниан Великий – Византийский император (527 – 565 годы, якобы), при котором произведена знаменитая кодификация римского права и отвоевана у остготов Италия.

От Константина Великого до Юстиниана Великого проходит 200 лет.

Читающий лекцию дух уточняет: – «он был Римским кесарем, а теперь он – Юстиниан». На этот великий труд его вдохновляет Первая Любовь – Бог-Сын – Спаситель – Иисус Христос.

Император Юстиниан Великий, устраняя всякие изъятия в законах, создаёт «Римское право».

«**Corpus juris civilis**» – современное название свода римского гражданского права, составленного в 529—534 годах, якобы, при византийском императоре Юстиниане Великом. Известен также под названиями «Свод Юстиниана» или «Кодификация Юстиниана».

Первоначально свод состоит из 3 частей:

Институций (4 тома, представляющие собой учебник для

начинающих юристов).

Дигест (50 томов, составленных из трудов классических римских юристов, с интерполяциями кодификаторов).

Кодекса Юстиниана.

Позже добавлена четвёртая часть, «Новеллы» (168 новых законов, опубликованных после составления кодекса).

Для «*Corsus juris civilis*» характерно стремление соединить разнообразные ветви римского права и придать новое содержание отдельным старым правовым понятиям и институтам и таким образом сохранить их жизненность.

Впервые издан в XVI веке Дионисием Готофредом (1549—1662 годы, словарь Брокгауза и Эфрона приписывает ему 113 лет жизни!) через 1000 лет после создания, и более чем через 100 лет после падения Константинополя под ударами османов!

Необходимость в подготовке Кодекса связана с большим числом старых предписаний, потерявших всякую практическую цену, но включённых в старые Кодексы. Комиссия, назначенная в феврале 528 года, должна выработать новый Кодекс, имея в виду лишь современные ей практические нужды. Комиссии предоставлено право, не только делать сокращения (вычеркивать введения, обращения, заключительные слова и т.д.) в конституциях, но и выбрасывать все отжившее или отменённое позднейшими узаконениями; не только исправлять текст, но и уточнять его, изменять и дополнять, соединять многие конституции в одну и т. д.

Кодекс состоит из 12 книг, книги, в свою очередь, состоят из титулов, титулы разделяются на отдельные императорские постановления, которые делятся на параграфы.

*Кодекс Юстиниана сохраняется лишь в изданиях *Corpus juris civilis*, не в полном оригинальном виде.*

*Греческие конституции, содержащиеся в Кодексе, которые всегда выпускаются западными рукописями (лат. *Graeca non leguntur*), прибавлены только к печатному изданию XVI века по источникам церковного и светского права Византийской империи.*

*Практическое значение кодекса Юстиниана и других частей *Corpus juris civilis* на востоке, а начиная с эпохи подготовки рецепции римского права (XII век, якобы) – и на западе, большие значения кодекса Феодосия, так как к нему приурочивается применение и изучение римского права. В Средние века в Западной Европе начинается активное усвоение римского права. В раннефеодальных монархиях, образующихся на развалинах Западной Римской Империи, сохраняются элементы римской правовой культуры и законодательства. Для галло-римского населения создаются специальные сборники римского права, наибольшую известность из которых получает *Lex Romana Wisigothorum (Breviarum Alaricianum)*, составленный в начале VI в. Эти сборники вплоть до XI в. оказывают заметное влияние на развитие феодального права Франции и других стран Западной Европы.*

Не вступив ещё на путь столь тяжёлого труда, Юстиниан верит, что во Христе наличествует одно естество, а не два, как считают, например, старообрядцы и не три, как считают теперь христиане. Этой верой он удовлетворён.

Представьте, что нужно обработать и издать Свод Законов, действовавших 1000 лет назад, даже если вам отпущены 113 долгих лет земной жизни. При этом нужно скромно подписать это не своим именем, а именем императора, давно канувшего в Лету. Это невозможно даже представить себе, не то, что сделать, но это тема совсем другой книги.

Но Агапит, всех пастырей глава
Мне свой урок преподдал благодатный
В той вере, что единственно права. 18

Я внял ему; теперь мне так понятны
Его слова, как твоему уму
В противоречье ложь и правда внятны. 21

Я стал ступать, как Церковь; потому
И Бог меня отметил, мне внушая
Высокий труд; я предался ему, 24

Оружье Велисарию вверяя
Которого господь в боях вознес,

Агапит I (? – 536 год, якобы) – папа римский, занимает папский престол в 535 году, якобы. Отправляется по настоянию готского короля Теодата в Константинополь, чтобы повлиять в интересах Италии на императора Юстиниана, что ему, однако, не удаётся. Тем полнее его торжество в церковных делах. Его стараниями Константинопольский патриарх Анфим, обвинённый в ереси Евтихия и переведённый вопреки каноническим правилам из Трапезунда в Константинополь, свергнут с патриаршего престола, и на место его возведён с благословения папы противник Анфима – Мина. Смерть кладёт конец его планам (22 апреля 536 года в Константинополе).

Канонизирован католической церковью; день памяти – 20 сентября (день перенесения мощей в Рим).

Имя Агапит говорящее – означает **Любовь (Агана)**, номер его позволяет Данте назвать его **Первой Любовью**. Юстиниан, вняв благодатным урокам папы Агапита, понимает христианское учение и начинает ступать как Церковь, поэтому Бог отмечает его и внушает ему высокий труд, а Юстиниан, в свою очередь, предаётся Богу, передав свой трон своему преемнику ещё при жизни, отойдя от государственных дел, посвятив себя научному и духовному труду.

Велисарий – военачальник при императоре Юстиниане, на кого он возлагает ратные дела.

Почему считают, что Агапиту I не удаётся убедить в чём-либо императора Юстиниана, когда тот лично со страниц Комедии прямым текстом сообщает обратное?

Велисарий Флавий (504 – 565 годы, якобы) – полководец императора Восточной Римской империи Юстиниана I Великого (490—565 годы). Консул 535 года. Один из величайших полководцев Византийской империи.

Начав службу простым солдатом императорской гвардии, в 527 году при новом императоре – Юстиниане I Велисарий становится главнокомандующим Византийской армией и в 530—532 годах, одерживает ряд впечатляющих военных побед над персами, что приводит к подписанию с империей Сасанидов «Вечного мира» 532 года, благодаря чему Византия получает почти на десятилетие долгожданную передышку на восточных границах.

В 532 году участвует в подавлении восстания «Ника». В итоге восстание подавлено, восстановлен порядок в столице и сохранена власть императора. Это ещё более укрепляет положение Велисария при императорском дворе.

В 533 году, возглавляя войско, посланное в Африку против вандалов, он разбивает их при Трикамероне, занимает Карфаген, берёт в плен вандальского короля Гелимера, и тем

кладёт конец Вандальскому королевству. После этого ему поручено изгнать готов из Италии и разрушить Остготское королевство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.